

Полночный тигр

Автор:

[Свати Тирдхала](#)

Полночный тигр

Свати Тирдхала

Young Adult. Магия временПолночный тигр #1

Солдат, воспитанный в стенах Кровавой крепости Джансы. И тайное оружие Дхарки. Воин, следующий долгу и приказу. И шпионка, известная по прозвищу Гадюка. Романтик, чувствующий связь с умирающей природой. И смертоносное оружие повстанцев, ранимая девушка, жаждущая мести. Кунал и Эша.

Они не выбирали свой путь. Но стали жертвами изматывающей войны, которая развела их по разные стороны. И встретились в ночь объявления перемирия.

Представляем вашему вниманию самый ожидаемый роман Book Riot (2019) и Barnes & Noble (ТОП-50). Это восточное фэнтези с множеством индийских мотивов, мистических и романтических линий. Начало трилогии «Полночный тигр».

«Для поклонников "Уголька в пепле", "Ярости и рассвета" и "Короны желаний".

Магия, священные узы, что были нарушены, и восхитительная химия между персонажами, что волей судьбы оказались по разные стороны.

Долг, любовь, преданность или же месть. Что из этого перевесит чашу весов?»

Лия Арден (автор дилогии «Мара и Морок»)

Свати Тирдхала

Полночный тигр

Swati Teerdhala

THE TIGER AT MIDNIGHT

© Фарниева Э.К., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Моим родителям и сестрам. Моей семье по крови и выбору. Вы – мой дом.

Увидев тигра в полночь, отведи взгляд, Ибо ты встретил воплощение прошлых грехов.

Из преданий Нарана и Нарии

Глава 1

Кунал, привыкший зорким, как у орла, взглядом выискивать щели в броне врага или изъяны в стратегии, сегодня просто смотрел на море, спокойно любуясь пейзажем.

На фоне ночного неба прибрежная линия Дхарки казалась призрачной, особенно по сравнению с резкими очертаниями скалистых утесов Джансана внизу.

Кунал отчаянно хотел бы запечатлеть игру лунного света на камнях и воде.

Он устроился на самой высокой из стен Красной крепости, пристроив сбоку изогнутый длинный лук. Резкий холодный ветер пощипывал скулы сквозь пробившуюся щетину. Много лун миновало с тех пор, как у него была возможность беспечно закрыть глаза и кожей почувствовать ветер. Сегодня утром с дхарканцами подписали договор о перемирии, поэтому его караул был не более чем формальностью. Тем не менее он не собирался терять бдительность.

Кунал обвел взглядом темные, как сажа, ночные окрестности, ни на чем не задерживаясь надолго.

Все равно некому было оказаться на заброшенных боевых рубежах: солдаты уже слишком заняты, отмечая временное затишье рисовым вином и игрой в кости.

Только вот... что-то шевельнулось.

В мгновение ока он был на ногах, глядя сквозь узкое окно-бойницу на маленькую фигурку, которая потихоньку пробиралась сквозь лагерь к западу от Крепости. Луна подчеркнула ее осторожные движения, а блики от красного песчаника стен окружили девушку мрачным ореолом.

Ее голову и плечи покрывала уттарья[1 - Уттарья (англ. *uttariya*) – древний широкий шарф индийских мужчин и женщин. Обычно спускался с шеи и драпировал руки, но иногда им окутывали верхнюю часть тела и голову. Современный аналог уттарьи – дупатта.] цвета слоновой кости, но Кунал все же разглядел в изменчивых отблесках света лицо.

Он оставил свой удобный угол.

Кунал бы дал девушке возможность самой отыскать дорогу в гавань под утесами, но она уже шла в неверном направлении. Через четверть часа затрубят в раковину, и солдаты вывалятся из западного входа на ночную тренировку –

пьяные и в драчливом настроении. Хотя боевых слонов так поздно не выпускают, все равно после нынешнего пира здесь будет хаос и во время построения колесниц заплутавшую девушку раздавят!

Он рисковал получить плетей за то, что оставил пост, но у Кунала все внутри перевернулось при мысли, что мирный житель пострадает во время его караула.

Девушка исчезла в нависшей тени Крепости, и Кунал помчался вниз. Он пронесся по башенной лестнице и узким коридорам, чудом не задев свисавшую с потолка камфорную лампу[2 - Камфорная лампа (англ. camphorlamp) – как правило, бронзовый сосуд с фитилем, пропитанным камфорным маслом; в индуизме камфора является одним из сакральных благовоний, используется в различных религиозных ритуалах и в быту как средство от злых духов и негативной энергии.]. Достигнув высоких каменных арок первого этажа, он свернул за угол к боковому входу и, выставив вперед руки, с разбега открыл дверь.

Океанские волны вздымались и с пеной разбивались о красные утесы, из которых вырастала южная стена Крепости. Слева над берегом, возле порта, поблескивали огоньки торговых кораблей. А справа, вдалеке, почти на краю утеса, он снова увидел девушку.

Она подняла голову к небу, и лунный свет пролился на ее профиль и улыбку.

Ее улыбка.

Она призвала из дальних уголков памяти нежеланные воспоминания... О друге детства с игривыми глазами и вызывающей усмешкой, который частенько втравливал Кунала в неприятности. О давно умершем друге.

Воспоминание кольнуло в груди, как осколок прошлой жизни. Той жизни, в которой он не знал, как быстро убить человека четырьмя разными способами.

Скрывшись в тени у входа, он наблюдал... Морской бриз принес холод, и девушка, вздрогнув, укутала тонкие смуглые руки концами уттары. На ней было простое алое сари с тонкой золотой каймой, кусок плотного шелка перекинут через плечо и схвачен на поясе золотым кушаком. Он пригляделся к ее ножкам. Ни одного колечка на пальцах – значит, не замужем. Нет ни ножных браслетов,

ни сережек и витиеватой золотой бижутерии – ничего, что указывало бы на ее статус. Должно быть, она из недавно прибывших торговцев, те всегда одеваются подчеркнуто нейтрально.

Куналу стало легче от этой мысли, хотя он все равно тревожился, гадая, что привело девушку к Крепости – большинство торговцев к этому времени уже удалились в гавань. Неужели она заблудилась?

Кунал вышел из тени и направился к ней.

– Вам нельзя тут находиться, – произнес он, остановившись в шаге от девушки.

Кунал заметил, как напряженно она прижала уттарью к груди. Ее глаза скользнули по бронзовым доспехам и золотым наручам, сразу дающим понять, кто он такой.

Кунал перехватил взгляд и отступил, забыв о резком тоне. Конечно, после такого рывканья она испугалась. Лишь несколько дней тому назад командир конницы велел заковать торговца в кандалы из-за спора с капитаном Крепости.

На краткий миг они неподвижно застыли на сильном ветру, всматриваясь друг в друга.

Вблизи девушка оказалась еще прекрасней. Огромные ореховые глаза в обрамлении густых, круто изогнутых бровей. На лице написан страх, однако подбородок упрямо выпячивается вперед.

Кунал, кашлянув, отважился на робкую улыбку. Он попытался встать в обманчивом лунном свете так, чтобы она увидела его безоружность и миролюбивость, и вдобавок поднял обе руки. Ее плечи расслабились, и Кунал постучал четырьмя пальцами правой руки по груди – знак приветствия, символ дружелюбия и доброты в Джансе.

– Я был наверху и увидел, как вы пошли не туда, – сказал он, прочистив горло, и указал на торчащую наверху бойницу. – Вам нельзя... то есть сегодня ночью находиться на западной стороне Крепости небезопасно. – От волнения он начал говорить все быстрее. – Вы заблудились? Ночью ориентироваться на тропках

торговцев бывает трудно. Вот эта ведет прочь от гавани.

Он не мог припомнить, когда в последний раз так долго говорил с девушкой; женщин выгнали из джансанской армии после разгрома королевы. В Крепости остались лишь защитники и заезжие торговцы, которые вносили свою лепту в ее процветание. Многие солдаты во время походов делали вылазки в город, но Кунал никогда не принимал участия в подобных увеселениях.

Кунал встречал торговцев из всех уголков Южных земель и Дальних островов, помнил большинство по имени, но девушку не узнавал. Его глаза впились в крохотную булавку, которая удерживала складки ее сари – похожа на цветок жасмина и явно сделана дхарканцами. Однако у девушки отсутствовала валайя[3 - Валайя (санскр. «кольцо, круг») – сплошной браслет, носится и мужчинами, и женщинами на руке – на запястье, предплечье или плече. Может быть украшен различными узорами и указывать на благородное или божественное происхождение своего хозяина или хозяйки.] – металлический браслет, который каждая дхарканка носила с рождения. В любом случае ни один дхарканец не осмелился бы появиться здесь, у Крепости. Она наверняка джансанка.

Необычно видеть уроженку Джансана с подобной булавкой в наши дни, но исключать такое тоже нельзя. До Войны братьев джансанцы и дхарканцы легко заключали смешанные браки, любили и жили вместе на Южных островах, не проводя границ. Только после убийства королевы Джансы и ее рода, случившегося десятилетие назад, грянула война, и узы между странами распались.

Тот кровавый переворот навсегда изменил и жизнь Кунала.

– Я видел много торговцев, которые привозили сюда свои товары и потом терялись, глядя на башни и эти бесконечные парапеты... На самом деле не такой уж и потрясающий вид, хотя, наверное, я так считаю, потому что живу здесь... – Не успели слова вырваться наружу, как он прикусил язык, изумляясь своей разговорчивости и откровенности.

Она долго изучала его лицо, и Кунал едва поборол желание выпалить что-нибудь еще, лишь бы нарушить тишину. Наконец она скромно склонила голову.

– Думаю, я заблудилась. – Голос оказался музыкальным, размеренным, с ноткой неуверенности. – Не будете ли вы так добры подсказать, где дорога в гавань? Я припозднилась, доставляя свой груз маковых семян, надеюсь, вы извините меня. – Она опустила голову и потупила взгляд. – Но, если я не вернусь на корабль вовремя, ждать меня не станут... Капитан не одобряет опозданий.

Он быстро кивнул. Дядя Сету – известный остальным жителям Джансы как легендарный и грозный генерал Хотха – тоже ненавидел промедления.

– Конечно. Я покажу вам тропку, ведущую вниз, в гавань. Могу проводить прямо сейчас.

Тень облегчения мелькнула на лице девушки. Видимо, тот капитан и в самом деле имеет много общего с генералом, раз она так сильно тревожилась.

Кунал взглянул на свой наблюдательный пункт на вершине Крепости. Даже учитывая веселившихся во внутреннем дворе солдат, они смогут пройти этот полночный путь без помех всего за четверть часа. Надо поторопиться, чтобы успеть до открытия западных ворот. Он мысленно сделал пометку: предупредить часовых, что с этого момента нужно тщательнее присматривать за торговцами.

Кунал молча направился к тропинке, поглядывая на девушку, которая не поднимала глаз. Для торговли ее поступь была чересчур бойкой, а осанка – слишком уверенной. Большинство торговцев в Крепости ковыляли со сгорбленными плечами, боясь навлечь гнев генерала.

Но эта девушка... Ее глаза были полны огня и в то же время глубоки, как океан. Они тревожили Кунала. Огонь и вода несовместимы – но только не в ее глазах. Там они сочетались в идеальной гармонии. Нечто в ней казалось очень знакомым, но Кунал не мог понять – что именно.

Может, она – одна из дочек этого нового вожака торговцев? Или только что прибыла на одном из торговых кораблей из Западных земель, что за морем?

Когда они поднялись на вершину холма к боковому входу в Крепость, где пролегала тропа, он больно уколол палец ноги об острый камень.

В высшей точке холма тропа упиралась в одну из пяти песчаниковых колонн Крепости. Высеченные на ней за последнее десятилетие законы короля Вардаана строка за строкой мерцали в свете луны. На камне виднелась белая трещина – раньше тут находились статуя Нарии, первой королевы Джансы, и орел, символ королевского рода. Кунал до сих пор помнил тот день, когда спросил дядю, отчего на троне Джансы король, а не провозглашенная богами королева, – тогда он получил первую в жизни трепку.

Куналу не хотелось думать, что сказал бы дядя о том, что он оставил пост, и неважно, по какой причине. Плохое решение для преданного джансанского солдата, особенно теперь, с учетом его повышения.

– У вас все хорошо? – осведомилась девушка. Слова прозвучали резко и отрывисто, совсем иначе, чем до того.

Кунал кивнул. Она вскинула темную бровь.

– Разве солдаты обычно разгуливают, хмурясь на воображаемых людей?

Улыбка коснулась уголков его губ. Оказывается, его так легко понять по выражению лица.

– Только по четным дням. Сегодня как раз тот самый, угадали.

Она усмехнулась.

Откуда эта игривость в речи? Кунал не был любителем заигрывать, даже похабных песенок не пел.

Теперь девушка смотрела на него, и прежняя мрачность исчезла, во взгляде загорелся озорной огонек.

– На этом берегу всегда так холодно или я приехала не в тот день? – спросила она, имея в виду полуостров, на котором располагалась Крепость.

– За прошедшие годы стало прохладнее.

Она озабоченно хмыкнула.

– И я не заметила дождевых туч. Для наших кораблей – хорошо, но, думаю, плохо для земли.

– Земля стала не такой плодородной. Непродолжительная засуха, только и всего, – ответил Кунал, припоминая то, что говорили им командующие об изменении почвы.

– Слышала, на севере не просто засуха, – произнесла она почти с опаской. Когда он повернул к ней голову, продолжила: – Пшеница в этом сезоне выросла в цене, говорят, это из-за плохого урожая. Засуха повлияла даже на рынок жемчуга на Дальнем Востоке.

Она умна, в этом нет сомнений. Однако большинство торговцев, странствовавших в тени Крепости, довольствовались новостями Джансы, и только Джансы. Кунал постарался не выдать, как он удивлен ее осведомленностью. Почему она так отличается от других?

– Вы правы, – наконец ответил он. – Я слышал, как торговцы в порту жаловались, что продажи хуже обычного даже в Гвали.

– Даже в столице? Ого, все серьезно, – сказала она с усмешкой.

На миг показалось, будто она собирается сказать что-то еще, но вместо этого она сменила тему, спросив, какие есть новости из столицы.

Кунал рассказал все, что знал о новом перемирии, украдкой наблюдая за спутницей. В ней было некое особое очарование, которое вдохновляло его говорить, не умолкая.

От гребня утеса, на котором возвышалась Крепость, они по гравиевой тропинке спустились к песчаному берегу.

Прядь черных волос выскользнула из-под уттары и прижалась к щеке. Кунал представил, на что это похоже: отвести прядку в сторону, встретить ее взгляд... Но он преодолел свой порыв.

Помочь девушке, и только. Прочего дядя не простит. Кунал потряс головой, стараясь отогнать мысль. Ему нужно вернуться на пост, пока не заметили его отсутствие.

– По этой тропке вернетесь в гавань и там сможете проскользнуть на корабль незаметно для капитана, – сообщил Кунал.

– Вы меня не проводите? – спросила она, посмотрев прямо ему в глаза.

Он колебался. Вопрос прямой, но чем он вызван? Он не мог сказать с уверенностью, желает ли она этого, выражение лица оставалось непроницаемым.

Он покачал головой.

– Нет, мне нужно вернуться на свой пост. Но я буду смотреть вон оттуда, – Кунал указал на свой уголок. – Если вам что-то понадобится, неважно что – помашите.

Ее глаза метнулись к стенам Крепости.

– Благодарю вас, – пылко, даже слишком пылко, ответила она. Кунал кивнул.

– Было приятно с вами познакомиться. – Он взял ее за руку.

В изумлении она посмотрела на него, и он ответил прямым взглядом, прижавшись к ее руке губами.

– Как вас зовут?

Глава 2

Эшу так выбил из колеи нежный жест солдата, что она выпалила, не задумываясь:

– Эша.

Она отняла руку и едва удержалась от того, чтобы зажать рот.

Дура.

Что на нее нашло, как она могла сказать парню истинное имя? Неужели теплые глаза? Или первое за долгое время проявление доброты от мужчины, который к тому же ничего не скрывал и не презирал ее из-за пола?

Три недели в изоляции никого не оставят полностью в здравом рассудке, вот и она дала слабину. Забыть о себе и открыть собственное имя из-за приятного лица и доброго слова... да кто она такая после этого?

Ей необходимо уйти от разговора, завершить миссию и вернуться домой, чтобы отпраздновать с друзьями и соратниками. Можно даже позволить себе найти парня для поцелуев под луной. Может, Харуна. Но только не этого.

Эша взглянула на своего спутника, стоявшего напротив, на черные волосы, развевавшиеся на бурном ветру. Она впитывала каждую деталь облика, оценивая его и запоминая, чтобы после обдумать.

Он был солдатом, мускулистым и крепким, кожа потемнела от походного загара. Шрамы расползались по костяшкам пальцев, пересекали плечо, один зацепил край полных губ. Но в его бледно-янтарных глазах скрывалось нечто нежное.

Если он по природе неженка, то не сумеет пережить ее нападение. Ну а если грубиян, то похож на прочих джансанских солдат и ей будет приятно оборвать его жизнь.

– Эша, – повторил он. В уголках его глаз появились морщинки искреннего удовольствия, и Эша не удержалась от ответной улыбки. – А я – Кунал.

Свирепый ветер стучал его колчаном о бронзовую кирасу, перебирал стрелы, запутывал в них отброшенные с плеч концы уттары.

Кунал не носил тюрбан для утверждения своего статуса, как делали многие джансанцы, бронзовой кирасы и золотых наручей было вполне достаточно. В своей броне он выглядел воплощением воинской мощи, однако Эшу притягивала его улыбка. Она меняла его невозмутимое выражение лица на удивительно приветливое.

– Может быть, мы увидимся еще? – спросил он с ноткой надежды. – Может, я уговорю нашего повара испечь отличного сонного хлеба с маковыми зернышками, – и он слегка ухмыльнулся.

– А когда ваши друзья почувствуют ужасную резь в желудке, кого они будут винить?

– Да, пожалуй, не стоит.

Эша мрачно покачала головой.

– Не стоит поднимать мятеж из-за горсточки маковых семян. – Она лукаво сощурилась. – Подумайте об этом. «Мятеж маковок». Какое ужасное название.

– Зато хорошее название для сказки, на самом деле... если бы можно было сказать «мятеж» и сохранить голову на плечах.

Она изо всех сил боролась с предательской улыбкой.

– Да, ваша голова бы первой покатилась с плеч... В обмен на еще один бочонок мака.

– Жаль. Я как-то привык к этой красивой штуке. – Он ухмыльнулся ей, а она – ему.

Вопреки себе самой она тянулась к нему. Очень жаль, что придется его предать.

Эша первой отняла руку и повернулась, чтобы идти по тропе. Но что-то ее остановило, и она снова взглянула на него, вздрагивая в потоках холодного ночного бриза.

Солдат одним быстрым движением сорвал собственную уттарью и накинул ее на плечи Эши. Затем постучал четырьмя пальцами по груди в знак прощания, развернулся и зашагал вверх по каменистой тропинке к Красной крепости. Или к Кровавой крепости, как ее прозвали в Дхарке. Одно из множества прозвищ, придуманных дхарканцами для режима короля-самозванца из Джансы.

Эша ощущала стук сердца в груди, ощупывая плотный шелк его уттары поверх своей и прижимая ткань ближе к телу. Увидев, как солдат приблизился к двери, она слабо улыбнулась – но тут лунный свет упал на украшенный камнями браслет на его плече, и она поняла, кто он такой.

Эша оскалилась ему в спину. Такие браслеты носили только Щиты Сенапа – самые мерзкие среди солдат Крепости. Одной рукой они предлагали доброту, а другой вырывали сердце.

О последнем она знала не понаслышке.

Эша глубоко вдохнула и пошла дальше по тропе, потом свернула у большого валуна для того, чтобы лучше рассмотреть боковой вход в Крепость. Она нырнула за камень, присела и погладила пристегнутый к бедру кинжал.

Эша подавила старые болезненные воспоминания – сейчас не время и не место, для завершения миссии нужен ясный разум. Была причина, по которой она попросила именно об этом задании, более того, потребовала его. Если она справится, это станет великой победой для Лунных клинков и всех повстанцев ее родины.

И для той девчушки, которой она была раньше.

Слишком много ночей ее мучили кошмары – призрак солдата в бронзовых доспехах, с изогнутым клинком в руке, и генерал Сету Хотха за его спиной. Губы Хотха всегда кривились в самодовольной ухмылке. Ей никогда не освободиться от этого кошмара, не стереть воспоминания о ночи, когда Вардаан Химьяд совершил переворот в Джансе и захватил власть.

Вардаан Химьяд, бывший принц Дхарки, младший брат нынешнего правящего монарха Дхарки Махира.

В ту ночь чудовищно предали и Джансу, и Дхарку.

И в ту ночь ее родителей убили – у нее на глазах.

Великолепный замысел начать миссию после перемирия пришел в голову Харуну, нынешнему принцу Дхарки. Так Эша могла проскользнуть в Крепость незамеченной. Перемирие было ей по душе, поскольку позволяло меньшей по численности армии Дхарки восстановить силы, а обоим народам – отдохнуть от войны.

Конфликт вспыхнул, как простая пограничная стычка, после переворота десять лет назад, когда король-самозванец прорвался через горы Гханта, естественную границу между Джансой и Дхаркой, и заявил права на дхарканские земли.

Будущее обеих стран всегда было тесно переплетено: обе питались из притоков реки Бхагья и крепились к своим землям узами «джанма»[4 - «Джанма» (санскр. Janma) – в индуизме означает «жизнь, рождение, существование»], договором крови и магии, который основатели Джансы и Дхарки заключили с богами во имя жизни и процветания всех будущих поколений Южных земель.

Спустя десятилетие нерегулярной войны и бесчисленных провальных перемирий у Эши появилась возможность завоевать для Дхарки великую победу, сделать шаг к свержению самозванца. Сейчас это стало еще важнее, потому что мудрецы, изучающие «джанма», сообщили: для Джансы время почти истекло, а вскоре засуха пожрет и Дхарку.

Следующий ритуал станет последним.

Ее миссия? Убить грозного генерала Хотха и перехватить украденный доклад с новыми сведениями об узах «джанма», за который уже умер один из братьев-мятежников.

Двух птиц – одним камнем. Лунные клинки нанесут страшный удар самозванцу, ликвидируют его верного советника и вернут себе ценные данные разведки.

Сегодняшнее празднование перемирия, во время которого часовые Крепости потеряют бдительность, – это их лучший и, возможно, единственный шанс.

Эша высунула голову из-за валуна, наблюдая, как солдат проскользнул в дверь. Через несколько секунд он исчез за тяжелым камнем.

Вход для слуг.

Или раньше был входом для слуг, когда дворец еще не превратили в Крепость.

Когда Эша была здесь в прошлый раз, дворец запомнился ей живым, ярким, полным людей, здешняя земля была плодородной, а утесы в лунном свете сверкали, будто рубины.

В ночь переворота у дворца вырвали сердце, и сейчас земля умирала, а от иссеченной ветрами Крепости веяло жутью. Внутренние покои, по сообщениям разведчиков, были разрушены ради постройки тренировочных площадок.

Она вспомнила яркие дворцовые фрески, посвященные происхождению Джансы и Дхарки. Близнецы-полубоги Наран и Нария, создавшие свои страны бок о бок на полуостровах Южных землях.

В детстве она рассматривала их часами, слушая отцовские истории, запоминая факты о двух королевских династиях, произошедших от близнецов – Самьяд из Джансы и Химьяд из Дхарки. Даже сейчас Эша с легкостью вспомнила, как папины длинные, закрученные усы шевелились во время рассказа в лицах, а она хохотала до слез.

Эша помчалась вверх по тропе, мечтая, чтобы ее больше никто не заметил. Схватив края сари, она свернула их в жгут и протянула его между ног, сделав дхоти[5 - Дхоти (хинди dhoti) – мужская индийская одежда, прямоугольная полоса ткани длиной 2–5 м, обертываемая вокруг ног и бедер с пропуском одного конца между ног.]. Лишнюю полосу ткани она перекинула через плечо и заткнула за кушак, освободив руки.

Эша изо всех сил дернула дверь. Отдышавшись, она потянулась и дрожащими руками схватилась за тяжелый золотой затвор.

Как же это делал тот солдат?

Поворот направо, толчок вперед. А следующее движение нужно делать по солнцу или против? Она выбрала последний вариант, но затвор не поддался.

Эша подавила ругательство.

Благодаря солдату она узнала расписание. До отправки ее ознакомили с распорядком Крепости, и она знала, что командующий муштрует солдат по вечерам и ранним утром.

Времени оставалось мало, но выбора не было. Слишком многое поставлено на карту ради этой миссии, особенно в свете нового перемирия. Если ее поймут, это будет не просто провал – все окажется под ударом. Нужно прийти в себя.

Эша сосредоточилась на дыхании, и, наконец, оно выровнялось. Теперь она ощущала точно такое же волнение, что и миллион раз до того. В каждом из ее предыдущих заданий был момент, когда все казалось проигранным: кража военных планов – невозможна, прорыв блокады – просто немыслим.

Сегодняшняя миссия станет самой важной. Эша сконцентрировалась на трансформации страха в возбуждение. Независимо от прочих обязательств, это ее шанс сделать первый шаг к отмщению. Она представляла его себе каждый раз, просыпаясь от мучительных кошмаров.

Эша глубоко вдохнула и огляделась. Красные каменные стены перед ней были сложены из толстых прочных плит, и остальные стены тоже вымощены без зазоров.

Вскарабкаться по таким невозможно.

Она вновь попыталась открыть дверь, но безуспешно. В третий раз ее ладони заболели, и горло перехватило от разочарования.

Слабое шарканье ног по ту сторону двери заставило ее встрепенуться, и Эша укрылась в отбрасываемых стеной тенях. Она съежилась, стараясь исчезнуть из виду, раствориться, а шаги между тем становились громче и отчетливей...

Молодой солдат распахнул заветную дверь и вывалился наружу, пошатываясь и блуждая взглядом по сторонам. Он подошел к утесу и начал облеγχаться, сопя и едва удерживая себя в вертикальном положении.

Эша ждала, затаив дыхание. Дверь была приоткрыта недостаточно широко, чтобы можно было незаметно проскользнуть, а солдат ушел недалеко – всего-то шагов на двадцать – и уже повернул обратно к выходу.

Она двинулась вперед, чтобы лучше видеть, и наступила на острый камень. Эше почти удалось подавить болезненный вскрик, но рука солдата застыла, и через миг заветная дверь резко и бесповоротно была захлопнута.

Он рывком развернулся, держа в каждой руке по изогнутому короткому мечу, – они блестели в лунном свете двумя кривыми ухмылками.

Хотя солдат слегка пошатывался на ветру, его глаза стали внимательными, и он подбирался все ближе к тому месту, где Эша скрывалась в тени.

Девушка обругала себя – это же не обычная миссия. Солдаты в Кровавой крепости были вторыми по мастерству после элитных Щитов Сенапа. Не наемники, не мобилизованные земледельцы, а отлично тренированные опытные воины.

Эша замерла, как изваяние. Были слышны только приглушенные смешки и здравицы откуда-то из Крепости.

Время почти истекло.

Пока солдат подбирался к ее укрытию, она присела и дотянулась до ремня, удерживавшего кинжал у бедра. Враг остановился на расстоянии вытянутой руки.

Эша схватила камушек и метнула ему за спину, подальше от двери. Он вздрогнул и в недоумении обернулся, пытаясь определить наличие и степень опасности.

Неприметное движение и в то же время – столь нужный ей отвлекающий фактор. Эша, вырываясь из объятий тени, изо всех сил ударила рукоятью кинжала в затылок. Он застонал и схватил ее за раненую руку. Моргнув от боли, она все же попробовала ударить снова, в то время как солдат метил кулаком в ее живот. Но, встретившись с ней взглядом, он замешкался.

Отлично.

Она ударила его в голову и затем пнула для верности в почку. Он споткнулся, но, падая, схватил ее за щиколотку и потянул за собой. Эша рухнула, едва подавив вопль ярости, и сжала пальцы на рукояти.

Один порез – и он умрет.

Мысль об убийстве манила Эшу, но она предпочла скрытность жажде крови. Нашарив камень поувесистей, она ударила им солдата по голове, и он мгновенно обмяк.

Если он никогда не проснется – на то воля богов. Она дала ему шанс.

Эша вскочила на ноги и поволокла невезучего вояку к Крепости. Он был тяжелый, и она вспотела, пока тащила тело к каменной стене. Сорвав с его бедра фляжку с выпивкой, она вылила содержимое ему на голову. Быть может, тот, кто его обнаружит, унюхает едкий аромат спиртного и пройдет мимо.

Эша пристально всматривалась в недавнего противника, на всякий случай сильно ударила по щеке. Ничего.

Руки саднили, но Эша не остановилась для перевязки, а сразу побежала ко входу. Она повторила все движения, и на этот раз дверь услужливо распахнулась.

На миг Эша прислонилась к ней в порыве благодарности, распластав ладони и ощущая лбом прохладное прикосновение гладкого красного камня.

Девушка погрузилась в темноту Крепости с предельной осторожностью, двигаясь тише ветерка, без единого звука. Она и так уже натворила дел.

И, наконец, она внутри.

* * *

Когда Эша проскользнула в комнату генерала, солдаты высыпались наружу, на полуночную тренировку. Несколько раз она едва не попалась, выбрав не ту лестницу, однако воспоминания дворцового детства не дали ей окончательно заблудиться. И, наконец, она добралась до высокого, вонзившегося в небеса шпиля – последнего этажа Кровавой крепости.

Генерал должен был находиться в своей комнате один. Ее осведомитель сообщил, что тренировки по ночам проводил командующий, в то время как генерал любил вставать и ложиться рано.

Эша приготовила меч-плеть[6 - Меч-плеть, уруми (малаял. Urumi, букв. «скрученное лезвие») – древнеиндийский гибкий меч, состоящий из одной либо нескольких обоюдоострых стальных лент, прикрепленных к деревянной рукояти. На конце клинка обычно имеется отверстие, а головка эфеса оснащена кнопкой, что наряду с гибкостью стали позволяет носить уруми скрытно под одеждой, обматывая его вокруг тела, как ремень. Владение уруми входит в комплекс традиционного южноиндийского боевого искусства каларипаятту.], предвкушая, как проберется в комнату и захлестнет тонкий металлический кончик вокруг шеи спящего... Смерть будет быстрой, хотя он такую не заслужил, а она вернет доклад и исчезнет.

Она представила это так ясно.

Дыхание сбилось. Эша сделала первый шаг, чувствуя, как грудь переполняется возбуждением и триумфом. Она провела годы, рисуя себе этот момент, воображая ликование и облегчение, которые ощутит после завершения дела.

Сейчас она стояла на верхней ступени лестницы. В его комнате было тихо, ни проблеска света.

Слишком тихо. Она положила руку на дверь, и та легко подалась вперед. Не заперто.

В считанные секунды Эша обнажила мечи и прильнула спиной к стене.

В чем дело? Сам генерал не оставил бы дверь открытой, и у нее на этот случай припасена специально выкованная для миссии отмычка. Эша подумала было о срочном бегстве, но собралась с духом.

Весь этот путь проделан не для того, чтобы отступить в последний момент.

Если внутри кто-то есть, она просто убьет обоих.

Она подтолкнула дверь носком сандалии, и та беззвучно открылась. Бывшую спальню королевы Джансы озарял только лунный свет, в воздухе витал слабый запах пепла. Эша обследовала комнату, двигаясь как можно тише. Скромная обстановка, только самое необходимое – джутовый коврик, камин и стол из темного дерева.

На стене напротив камина висело оружие.

– Еще одна убийца? – проскрежетал низкий голос со стороны кровати.

Сердце Эши испуганно забилось. Голос генерала звучал мучительным шепотом, открытые глаза блестели в темноте. Он поднял руку, которую прижимал к животу. Сквозь пальцы капала кровь, падая обратно в рану.

Милосердный Лунный бог. Кто-то пришел сюда первым.

Отбросив пронзившие ее ошеломление и ужас, она принялась действовать. Нужно уходить сейчас. Генерал выглядел слабым, бледным, а рана – совсем свежей. Судя по виду простыни, он потерял много крови.

Некто хотел заставить его страдать. Или прожить достаточно, чтобы она смогла обнаружить генерала. Знал ли убийца о ее приходе? Знал ли о докладе?

Эша бросилась к открытым окнам, выглянула из-за тонких занавесей. Слишком высоко для прыжка, и никто не оставил привязанной к окну веревки.

– Постой. Добей. Умоляю.

Эша стремительно развернулась. Сейчас ярость взяла верх над страхом, и, обнажив клинок, она подошла к его кровати.

– Почему? Во имя солнца и луны, почему я должна это сделать после того, что ты натворил? Как смеешь просить о милосердии, словно ты вправе? – Ее голос стал грубым, низким, переполненным ненавистью и многолетней болью.

В его взгляде отразилось узнавание.

– Ты не одна из них. Ты одна из тех дхарканских мятежников, Лунных клинков. Что там говорят в твоих землях? Все мы – дети Матери. Все мы...

– Да как ты посмел...

– Все мы несовершенны и заслуживаем милосердия. Верно?

– Как и сотни невинных дхарканцев. Как и солдаты, которых ты взял в плен и пытал только потому, что они исполняли свой долг. А уж если вспомнить о том, что ты сотворил с жителями Сандары...

– У Вардаана и меня были великие мечты. Мечты о лучшем.

Эшу передернуло от омерзения при упоминании имени Вардаана Химьяда, короля-самозванца, одного из вожаков переворота и нынешнего правителя Джансы.

– Но это война... – продолжал он.

– Не война, а предательский мятеж! Отчего я вообще позволяю тебе болтать? Мне следовало отрезать твой язык, генерал, – ядовито сказала она.

Она было двинулась к выходу, но в раздражении замерла.

Ибо этот мужчина вел себя достойно, находясь на пороге смерти. Генерал попытался сесть, но снова упал, тяжело дыша.

Пальцы Эши сжались в кулак.

– Ты контролировал прославленные армии Джансы. Чего еще было желать? Стоила этого твоя жадность?

– Была ли это жадность? Или убежденность? После Северной войны... – Казалось, он обдумывал это – человек, осознавший краткость отпущенного ему на размышления времени.

Терпение Эши лопнуло. Она подобралась ближе, готовясь перерезать ему глотку в спальне убитой им королевы, и вдруг заметила нечто.

Сбоку под кроватью лежала копия одного из ее мечей, идентичная тому, что был пристегнут к ее бедру. Рука Эши застыла, а разум мгновенно приготовился к любой неожиданности.

Ловушка?

Она ухватила за коврик под мечом-плетью и осторожно потянула. Коврик подался, и ничего не случилось. Эша, подавляя кипевший внутри страх, внимательно рассмотрела меч. Вес был другой, и металл не тот, но выглядел он точь-в-точь как оружие в ее руке – с выгравированными на рукояти змеями. Это была точная реплика ее оружия, благодаря которому она получила прозвище Гадюка и которое специально для нее изготовил один из лучших кузнецов Дхарки. Ее мечи-плети были единственными в своем роде.

Кто-то пытался ее подставить.

– Я знал, что мирно не умру, – произнес он, уставившись на нее, словно понял – Эша подошла ближе, потому что решила подарить смерть. Еще один дрожащий вдох, слабый трепет тела некогда могущественного и всеведущего генерала. Он плотнее прижал руку к ране, изо всех сил жмуря глаза.

– Ты отрекся от мира давным-давно. – Эша резко вдохнула. – Кто это был?

– Разве это имеет значение? Разве что-либо из этого важно сейчас?

Ей хотелось ударить его.

– Ты покидаешь этот мир, нарушив связь с землей «джанма», наш единственный божественный дар. Все имеет значение, и у тебя есть возможность спасти людей.

– Вардаан считал, что сможет поддерживать связь самостоятельно. Мы ошиблись, и я сожалею. – Он прикрыл глаза и выкашлял сгусток крови. Затем неожиданно вцепился в Эшу: окровавленные пальцы сковали ее запястье. – Камин.

– Что там?

– Камин. И мой племянник... – прошептал он.

Прежде чем она смогла осознать его слова, генерал Красной крепости, ее цель и миссия, скончался с последним хриплым выдохом. Клинок в ее руке все еще был теплым, готовым оборвать его жизнь. Но так же, как и при жизни, он обхитрил ее в смерти, украв тот миг, которого она столь долго жаждала.

Ярость обожгла ее изнутри, и Эше захотелось наказать его еще и за эту кражу. Но вместо этого она наблюдала за тем, как жизнь вытекает из него, запечатлевая последнюю память о мужчине, отравившем ее сны, питавшем ее ненависть столько лет. Призраки шептали, и она закрыла глаза, позволяя их настойчивым голосам хлынуть в душу.

Генерал мертв, и она должна сейчас ликовать и радоваться. Первая пешка, которую нужно было снять с доски по дороге к самозванцу Вардаану, уничтожена.

Однако внутри царила пустота.

Эша услышала, как снова затрубила раковина, и вскочила – солдаты сейчас вернутся с тренировки.

Она подбежала к маленькому камину в углу комнаты, вспомнив о словах генерала и пока не найденном докладе. Неужели это вторая ловушка? Даже

если и так, в комнате есть ценные сведения для мятежников.

В огне лежал свиток, рядом – небольшая записка, почти уже догоревшая. Эша прибила пламя сандалией и подняла сначала записку, а затем и свиток, похлопывая ими о каменный пол, чтобы сбить искры.

Это и есть доклад? Она надеялась, что Лунный бог помог ей, потому что время истекло.

Что-то блеснуло в пепле. Боль пронзила ладонь в том месте, где она схватилась за горячую ручку свитка, но Эша потянулась за вещицей. Это была серебряная булавка в форме месяца с пронзающей середину стрелой.

Символ Лунных клинков, группы дхарканских мятежников, которых она называла семьей.

«Ни один из уважающих себя Клинков не бросил бы столь неосторожно эту булавку», – рассудительно подумала девушка.

Следовательно, кто бы ни швырнул вещь, он сделал это намеренно.

Эша не могла вообразить причину, по которой Клинок поступил бы подобным образом, если только он не стал предателем и двойным агентом. Или же булавку подкинул новый враг, тот, кто желал втравить Клинков в посторонний конфликт.

Подставили, получается, не только ее – кто бы ни был тут, он хотел, чтобы солдаты Крепости нашли булавку. И, если они ее обнаружат и свяжут убийство генерала с Клинками, с Гадюкой или без нее, это может привести к полномасштабной мести мятежникам.

Причем именно в тот момент, когда на горизонте забрезжил мир.

Неважно, что Клинки не входили в состав дхарканской армии или монархии – Вардаан прославился тем, что разрывал соглашения и лишал жизни и по более банальным причинам, чем убийство его любимого генерала. А прямо сейчас Дхарка нуждалась в мире. Если Крепость и Вардаан вычислят, что Клинки связаны с дхарканским тронem...

По ее спине пополз холодок.

Эша встряхнула головой. Здесь оставаться нельзя, ей нужно сбежать тихо и быстро, чтобы разобраться, в чем тут дело. Она подскочила к письменному столу генерала, расшвыривая безделушки и письма в поисках других докладов. Рука нащупала скрытые в потайном ящичке свитки, Эша сгребла их все и сунула в кушак.

Время уходить.

В последнюю минуту Эша схватила копию меча-плети и оставила взамен настоящий.

Это был опрометчивый, дерзкий, глупый, окрашенный яростью и разочарованием поступок. Но убийца хотел подставить ее, и если она позволит ему думать, будто его план сработал... если даст пьесе разыгрываться дальше по его сценарию, то получит достаточно подсказок для раскрытия тайны. Для выявления личности заговорщика, убившего генерала до ее прихода.

Врага, который может знать о ее истинном происхождении.

Глава 4

Кунал проснулся от стука в дверь. Он мрачно оглянулся. Кто бы там ни шумел, лучше ему прекратить, или он нарвется на увесистую затрещину.

Стук затих, и Кунал снова вздохнул в подушку, уткнувшись щекой в грубый хлопок. В узком окне виднелось только что вставшее из-за горизонта солнце, и небо разукрасили оранжевые ленты. Он не мог понять, как кто-то мог подняться в такую рань после минувших ночных празднеств. После дежурства он выпил всего лишь стакан рисового вина – и сейчас тело благодарило его за это. Большинство друзей хлебнули лишку и, конечно же, будут хвататься за гудящие головы и горько сожалеть о вчерашней несдержанности.

Полуночные тренировки стали кошмаром: солдаты спотыкались и мямлили. Кунал избежал набивших оскомину разговоров о завоеваниях – военных и личных. Довольно и того, что после жестокого кровопролития он сумел помочь той девушке.

Стук прозвучал снова, и он застонал. Один-единственный раз Кунал решил встать поздно – настолько, насколько позволит тело. Даже командующий предвидел это желание и отложил все упражнения на послеполуденный час.

Стук не умолкал, к нему прибавились сдавленные смешки. Легким и быстрым движением Кунал метнул свой нож, всегда находившийся под рукой, в дверь. Оружие впилося в толстый палисандр, и шум утих – только кто-то негромко вскрикнул от изумления.

Кунал усмехнулся в подушку.

Из-за двери донесся поток ругательств, и Кунал подавил хохот, узнав голоса. Он вел себя дружелюбно со всеми в Крепости, но Алока и Лакша, двоих бедолаг снаружи, считал истинными друзьями. Кунал не открывал глаз и не поднимал головы, молча прислушиваясь к движениям парней снаружи.

Бурчание, снова ругательства, шорох и уверенный стук.

– Да?

– Вставай же, ленивая ты корова, – проорал Алок.

Когда Кунал не ответил, они начали ломиться в дверь. Из соседних солдатских комнат слышались грубые угрозы.

Кунал зарычал. Он так привык просыпаться на рассвете, что ему сложно было в принципе уснуть в это время. Но, если бы дружки не примчались, он мог счастливо млет в кровати, погружившись в мысли об ореховых глазах и густых темных кудрях.

Теперь же ему придется встать, хотя бы ради спасения Алока от очередной взбучки и вечерних кандалов.

Лакш бы пустил все на самотек: не пожелал вступать и наблюдал за происходящим с ухмылочкой. В их дружбу Алок привносил легкомыслие, а Лакш – умеренность, уравновешивая несерьезность Алока и суровость самого Кунала. Но Лакшу нравилось смотреть на драки между двумя его товарищами, и он вмешивался редко, да и то в самом конце.

Поэтому Кунал вытащил себя из кровати и побрел к входу, обернув дхоти вокруг талии. Он рывком распахнул дверь в тот самый миг, когда Алок собирался ее выбить, и друг неуклюже рухнул на пол. Он быстро поднялся на ноги и, потеряв плечо, с удивленным видом стал отряхиваться от пыли. Лакш вошел следом, закатив глаза.

Кунал молча облокотился о косяк и уставился на них с легким, немного наигранным удивлением.

Алок испепелил его взглядом.

– Чем ты занимался? Кудряшки завивал?

– Спал. Как и остальные в Крепости, – ответил Кунал.

Алок нахмурил брови, его гримаса стала еще мрачнее.

– Вообще-то ты единственный, кто не перебрал. Я ожидал, что ты уже внизу, на тренировочной площадке.

– Слабеешь? – осведомился Лакш, прислонившись долговязым телом к стене. – Не хочешь больше быть лучшим солдатом Крепости и вгонять всех нас в краску?

– Один день. Я просил только об одном дне отдыха в кровати, – произнес Кунал.

– Хм, хотел бы я ухватить удачу за хвост и стать племянничком генерала Хотха, тогда я заполучил бы кровать вместо жесткой койки. Ты в Сенап попал не за то, что крепко спишь, – заметил Алок. Он ткнул в украшенный камнями браслет Кунала, красовавшийся на полке. – Не видать тебе повышения в Щитах с такими замашками.

Алок высунул голову в коридор и проорал в соседнюю дверь:

– Не то что ты, Ракеш! Ты-то, давая храпака и ничего не делая, попадешь именно туда, где тебе и место! В никуда! – Он повернулся к Куналу с довольным смешком.

Кунал только покачал головой.

– Потом Ракеш заставит тебя заплатить за эти слова, ты ведь знаешь, – бросил Лакш с кривоватой улыбкой.

– Ага, как не знать-то, – ответил Алок. – Оно того стоит.

– Неужто? – Вопрос Кунала остался риторическим, поскольку Алок проигнорировал друзей и занялся обстановкой.

Он огляделся, оценивая комнату.

– Не густо. Скучно. Похоже на тебя.

Приблизившись к боковой полке, Алок взял кисточку и мраморную миниатюру столицы Гвали, донышко которой тут же проверил на прочность.

– Пока не успел тут все переделать, да? – спросил Лакш.

В эту комнатку, где в четырех стенах красовалась только кровать, Кунал переехал лишь на прошлой неделе.

Большинство солдат теснились в казармах внизу, все вместе, по полкам и батальонам. Комната впервые дала ему ощутить вкус власти и уединения, и все благодаря повышению до члена Щитов Сенапа, одного из элитных военных батальонов Джансы. Щиты, обученные охотники и смертоносные бойцы, исполняли самые важные поручения короля и служили в качестве его дворцовой охраны в Гвали. Кунала тренировали жестко – как физически, так и психологически.

Его пока еще не повысили официально и не сказали о новом месте службы, однако дядя смог выбить для Кунала эту комнатку. По словам генерала, если после всех лет строгих тренировок и опасных миссий он стал Щитом, то заслужил некоторое вознаграждение. Редкий момент, когда дядя проявил гордость и нежность по отношению к племяннику, и Кунал этого не забыл. А вот следующий их разговор был не столь приятным.

Алок подкинул мраморную миниатюру в воздух, и Кунал ринулся вперед, но в этот миг вещь спокойно приземлилась на ладонь Алока. Лакш отвел взгляд, пряча смех.

Уже не в первый раз новоиспеченный Щит задумался, стремится ли Алок к скоропостижной кончине или его просто дурно воспитали в детстве.

– Ты пришел сюда, чтобы разгромить мою комнату?

– Не-а, это приятный довесок. Я хотел воспользоваться тем, что тренировочные площадки сейчас свободны. Провести схватку-другую. Может, покажешь нам этот свой трюк с щитом? – Слова прозвучали намеренно беззаботно, однако Кунал заметил, как друг барабанил пальцами по ножнам меча. – А комнатенка и впрямь скучная. Может, хотя бы достанешь джутовых циновок или небольшую шелковую вышивку, например с видами гор?

Кунал притворился недовольным, как и подобает человеку, уставшему от непрерывных насмешек. Алоку, предпочитавшему хвастовство вежливости, было непривычно просить о помощи. Сама по себе просьба – нечто принципиально новое для него.

– Полагаешь, что сумеешь справиться? Не знаю. Мне кажется, тебе бы не помешало стать тоньше тут, – Кунал слегка ткнул друга в живот, – и крепче здесь, – мягкий шлепок по бицепсам, – чтобы действительно овладеть этим приемом. Но все-таки я могу его показать.

Алок пихнул его в плечо.

– А ты проверь меня на вшивость, корова.

– Что это ты всех нынче зовешь коровами? Ты хоть одну видел? – В голосе Лакша, лениво наблюдавшего за друзьями, прорезалось раздражение.

– Ага. Я на севере вырос, бычара занудный. Неподалеку от Айфорского кряжа.

– Не знал, что ты из тех краев. А ты когда-либо встречал людей из клана Йавар на севере? – поинтересовался Лакш.

– Нет. Точно нет. Все осложнилось со времен Северной войны. Тридцать лет уже прошло, но я не уверен, что захотел бы столкнуться лицом к лицу с одним из их всадников, даже теперь. Молюсь, чтобы они больше никогда не обратили взоры на юг.

Кунал рассмеялся.

– Может, ты нас туда пригласишь однажды.

– Отличная идея. А вы знаете, что у меня там была лапочка? – Алок с видом сиротки уставился вдаль, но Кунал и Лакш хохотали. Алок нахмурился.

– Да-да, нежная возлюбленная в детстве, – пробормотал Лакш, закатив глаза.

– Была. – Алок постарался напустить на себя оскорбленный вид. – А сейчас я застрял тут. Раз мы солдаты Кровавой крепости, девчонки должны на нас толпами вешаться, но мы нынче не на марше, и в округе нет ни одной.

Кунал подавил фыркание. Он был уверен, что доспехи в глазах девушек – не бог весть какое достоинство, есть и поважнее.

– Трагедия, – подытожил Кунал, снимая кирасу. Ее создали специально для него, подогнав под фигуру так, что она прилегала как вторая кожа, но большинство солдат все равно тренировалось обнаженными по пояс. Внизу у побережья было не так влажно, как в остальной Джансе, но несколько часов на солнце раскалят тренировочную площадку как сковородку.

Алок хмыкнул.

– У тебя тоже трагедия. Тебе бы стоило иметь стаю красотулек. – Кунал слышал, как друг бурчал, мол, это бы и ему помогло на безрыбье.

Алок, повернувшись к другу, наблюдал, как он вначале наигранно закатывает глаза к потолку, затем находит кушак и туго стягивает его поверх дхоти.

– Долго возишься. Пошли, лентяи.

* * *

Тренировка получилась изматывающей. Алок ухватил суть приема со щитом буквально за считанные минуты и начал снова и снова применять его, целясь в наружную сторону правой руки Кунала и нанося удары, как таран. Когда они уходили с площадки, направляясь в столовую на верхнем этаже, Кунал вращал рукой, стараясь ослабить напряженные мышцы.

Лакш остался, чтобы заточить оружие, и Алок с Куналом поспешили на завтрак.

Им удалось улучшить свободное время для поединка без посторонних глаз – редкость для Крепости с ее толпами задиристой солдатни. Перемирие стало новой реальностью, о чем свидетельствовали неуверенные лица встреченных в главном дворе сослуживцев.

Продлится ли это перемирие? Приведет ли оно к реальному окончанию войны, к настоящему миру? Или король попросту обратил взор к западным границам?

Кунал мог не беспокоиться так, как остальные. Его недавнее повышение в ряды Щитов Сенапа давало шанс на перевод в Гвали, а это значило, что он проведет меньше времени на линии фронта в завоевательских походах короля. В любом случае войну он никогда не любил.

В Крепости квартировали три из четырех полков джансанской армии – элфантирии, кавалерии и боевых колесниц. Большинство местных солдат проводили время на передовой, возглавляя атаки на боевых слонах и элегантных колесницах, в управлении которыми они совершенствовались беспрерывно. Однако именно пехота поддерживала порядок и справедливость по всей стране. Без войны многим из этих бойцов пришлось бы искать себе

другое ремесло.

Из речей дяди стало ясно – существовала большая вероятность наступления мира. Войска Дхарки были обескровлены в недавней битве при Сандаре, где джансанцы одержали значительную победу, и желали завершения конфликта. И по какой-то причине в этот раз король Вардаан также склонялся к мирному договору. Возможно, он, наконец, устал от войны против брата или же намеревался заключить новый союз либо торговое соглашение с западом.

– Интересно, будет ли сегодня тренировка, – сказал Алок, нарушив раздумья. – Если да, тяжело тебе на ней придется, а, Кунал? – Он поиграл бровями, в то время как Кунал скорчил рожу.

Расплывшийся по груди темно-пурпурный синяк заставлял морщиться при каждом вдохе. Если это и есть дружба, то двое друзей уже многовато.

Алок продолжал сиять от того, что усвоил прием со щитом, и трещать без умолку о разных способах его применения в бою. По крайней мере, его болтовня заставила Кунала улыбнуться. Алок бы только отмахнулся, если бы узнал, что Кунал считал и его, и Лакша в некотором роде братьями. Их успехи были и его успехами.

Они устало плелись по крутому склону внешней площадки, прислушиваясь к бурчанию в животах, когда солдат наверху что-то прокричал.

Когда они поднялись, Кунал приветственно помахал, и солдат подошел ближе. На нем был толстый, украшенный камнями браслет Щитов Сенапа, и Кунал постучал четырьмя пальцами по груди.

– Саран. Рад видеть тебя на ногах.

– С трудом стою, – ухмыльнулся Саран. Кунал ухмыльнулся в ответ, и Алок подошел ближе.

– Выглядишь куда лучше, чем тебе полагается после прошлой ночи, – сказал Алок.

Кунал бросил предупреждающий взгляд. Девять лет в Крепости, а другу все еще невдомек, когда лучше держать рот на замке. Кунал знал, что Алок, как и Лакш, не по своей воле избрал службу в крепости. Самого Кунала готовил к армии дядя, а их просто призвали.

Саран от них отличался – он был потомком профессиональных военных из мелкого аристократического рода, пришедшего к власти вместе с королем Вардааном. Этот воин был рожден и воспитан ради службы, вся его жизнь строилась вокруг Крепости, а значит, у него была власть. Несколько его слов – и жизнь Алока превратится в кошмар.

К счастью, он рассмеялся.

– Мы все сегодня не в лучшей форме. Прошлой ночью и впрямь было заключено перемирие, солдат, – сказал Саран, потирая лоб. Видно, голова у него трещала. – Я это о чем: дхарканцы поняли, что они нам не ровня. Мы сильнее, и мы победим.

Кунал кивнул, как от него и ждали. Это была основа всего, во что верили в Крепости. Новоиспеченный Щит мог процитировать историю восстания Крепости наизусть так же четко, как и Устав. За словами Сарана он слышал хриплый и твердый, как сталь, дядин голос.

Десять лет назад Джанса, находясь под управлением королевы Шилпы и других королев, была слабой, уязвимой и покорной там, где следовало властвовать. Тридцать лет назад, во время Северной войны, страна шла на компромисс там, где было нужно упорство. Вардаан, взявший власть в свои руки, лишь вернул естественный ход событий, ибо сила всегда побеждает. Его королевская кровь, кровь Химьядов, и мастерство военного советника легко сделали Вардаана лидером. Истинный правитель вместо слабых королев из Самьядов.

С тех пор в Джансе ввели военное положение, городские советы и суды были упразднены, а собрания больших групп людей объявили вне закона. До этого различия между культурами Джансы и Дхарки – первая превозносила честь, а вторая милосердие – считались двумя половинами целого. Но пропаганда Вардаана после переворота изменила Джансу, вбив в головы знати и зажиточных людей идею обретения чести через силу. И теперь милосердие Дхарки воспринималось как слабость.

Он никогда не соглашался с этим, и неважно, сколько раз дядя заставлял его цитировать Устав или новые законы короля Вардаана. Но говорить об этом здесь Кунал не мог.

Кунал вернулся к разговору, когда они уже обсудили вчерашний пир и теперь спорили, кто кому задолжал новый меч по итогам игры в кости.

– Клянусь, я рад перемирию, но меня так и подмывает что-то сделать после нашей победы в Сандаре. Батальону Щитов только что отдали приказы, я слышал, мы отправляемся к побережью, – произнес Саран перед тем, как повернуться к Куналу. – Я рад приветствовать тебя в нашем братстве, парень.

Кунал благодарно склонил голову, постучав пальцами по груди, и Саран ответил тем же.

– Побережье? – Лакш появился за спиной Сарана. – Потрясающее задание. Я бы подрался с тобой за него, если бы не был уверен, что командующий будет по мне скучать.

– Задание паршивое, бьюсь об заклад, придется просто надрать задницы контрабандистам и еще каким-нибудь мерзавцам, – ответил Саран. – Нам пока не сказали, что именно будем делать.

– Вряд ли все будет настолько плохо. Рядом – потрясающий океан, и вы сможете увидеть руины старого храма, с неповторимыми каменными стенами и мозаичными плитками. И еда. Джалеби. – При мысли о лепешках в сахарном сиропе Кунал взглянул в небо, на Солнечную деву... – Если ищешь вкус божественного нектара, джалеби – то, что нужно.

Алок и Лакш одновременно закатили глаза, так как слышали это от него много раз.

Саран хохотнул и похлопал молодого соратника по плечу.

– Ты всегда так интересно выражаешься, Кунал. Надо бы тебя прозвать поэтом Крепости.

Кунал вспыхнул, не зная, что сказать, но вовремя вмешался Лакш.

– А еще там полным-полно игорных домов и подпольная арена для боев. – При этих словах лицо Сарана осветилось, и они с Лакшем пошли вперед, увлеченно обсуждая увеселительные заведения побережья.

Компания пересекла открытый двор из обожженных солнцем камней и собралась было свернуть к столовым в жилом крыле, когда Алок предупреждающе вскинул руку.

Кунал тут же начал оглядываться, не забыв проверить кинжал.

Он изучил окрестности и, убедившись, что непосредственной угрозы нет, слегка расслабился, а затем, наконец, проследил за взглядом Алока.

Он сперва даже не обратил внимания на солдата в кандалах, который лежал на камнях в тени. В Крепости существовала традиция заковывать людей в наказание – способ преподать урок и сделать их сильнее.

Кунал осуждающе покачал головой и направился было дальше, но уже в следующий миг он отпрянул, поняв шок Алока.

Солдат был мертв. И сердце Кунала упало, когда он узнал мертвеца.

Удит, молоденький рекрут, родившийся, как и Кунал, на юго-западе области Варулок. Всего неделю назад они за обедом вспоминали детские игры на чайных плантациях, что на холмах Варулока.

Его грудь сдавило, и он ощутил знакомый укол безысходности. Чем Удит заслужил такое наказание? Его тело оставили валяться на жаре непокрытым.

– Это неправильно, – прошептал Алок, вслух вторя невысказанным мыслям Кунала. – Отчего его тело не обмыли, не приготовили для погребального костра?

Кунал успокоил дрожь в руках и, подавляя негодование, вдохнул и выдохнул так, как учил дядя Сету.

Контроль.

– Должна быть причина, – сказал он уже ровным голосом и резко отвел глаза от Удита. – Он наверняка нарушил Устав. Или хуже.

– Разве это причина бесчестить его душу? – спросил Алок, искоса глядя на Кунала.

– Алок! – шепотом одернул его Кунал.

Крепость всегда подслушивала; многие слуги и даже солдаты доносили о любом намеке на инакомыслие его дяде.

– Вот что случается, когда ты нарушаешь правила, – торопливо сказал Кунал.

– Он был мальчишкой, юным и неопытным, – продолжал возражать Алок. – Они заклеили его как предателя, бросив тело таким образом.

– Он – прежде всего солдат. Мы оба знаем: в правилах не может быть исключений. А если он действительно предатель?

– Помнишь последнего, так сказать, предателя? Казнь невинного мальчика? Командующий пошел на поводу у обвинителя вместо того, чтобы провести нормальный суд.

Кунал помнил. Это случилось всего несколько лун назад. Он даже не мог сейчас припомнить защиту солдата – только обвинения. Командующий поступил неправильно, верша суд без правосудия.

– Уверен, генерал только следовал правилам.

– А если правила бессмысленны?

– Не начинай. – Кунал покачал головой, невольно сжав кулаки. – Хочешь выжить в Крепости – исполняй свои обязанности, а значит, следуй приказам.

Все это не стоит бунта. Кунал выучился правилам в самом начале своего десятилетнего пребывания в Крепости. И эти уроки оставили ему немало шрамов.

Кунала тревожило, что в последние пару лун Алок затевал такие разговоры все чаще. Если его друг слишком сильно высунется, он накличет себе на голову далеко не пару затрещин.

Алок засопел, раздувая ноздри, в глазах затрепетал нехороший огонек. Кунал схватил его и поволок прочь от тела Удита, вверх по склону, где их не могли подслушать.

– Не дури, слышишь? Думаешь, все вот так просто изменится?

Алок только зыркнул исподлобья и побрел прочь.

Кунал прижал ладони к вискам. Несмотря на суровые слова, он чувствовал то же, что и побратим.

Контроль.

Генерал не одобрил бы такого – или одобрил?

Он решил выяснить.

* * *

Добравшись до верха спиральной лестницы, Кунал закрыл глаза и свободно выдохнул, приказывая сердцу биться ровно.

Каждый раз.

Даже сейчас от мысли о встрече с дядей Сету по спине бежали мурашки. Он, несомненно, стал сильнее, выше, опытнее, чем в восемь лет, когда впервые пришел сюда, но вид этой двери всегда вызывал в памяти первое впечатление от грозно высившейся над его головой Крепости. Его нового дома.

Кунал обдумал свои аргументы, зная, что пылкие слова не убедят Сету Хотха, генерала Красной крепости. Дядя Сету ценил логику и здравомыслие, поэтому Куналу стоило напомнить об аристократических родах, например о Доме Русала, и о торговцах тканями, до сих пор удрученных воинской повинностью. Вышвыривание тел их сыновей вместо священного сожжения не улучшит обстановку.

Он вздохнул, сомневаясь, что его слова хоть что-то изменят. Но после разговора с Алоком что-то побуждало его попробовать, даже если разговор закончится приказом заковать в кандалы его самого.

Дверь комнаты была слегка приоткрыта. Кунал замер. Дядя никогда не оставлял дверь незапертой, он ценил уединение и не приветчал гостей.

Кунал осторожно поднял руку и постучал.

Молчание.

Дядя хотел, чтобы он действовал как лидер Крепости. Брал на себя больше инициативы. Во время их последнего разговора он сказал именно так.

Кунал толкнул тяжелую дверь.

Первое, что бросилось ему в глаза, – кровь на кровати. Алое пятно в море изумительно-белого цвета. Затем – неподвижное тело дяди, распростертое на великолепных вышитых подушках.

Шок был похож на физический удар, сердце замерло, и словно бы само время застыло под его неверящим взглядом.

Кунал отпрыгнул спиной к стене, держась за рукоять кинжала, и быстро оглядел комнату в поисках вероятного убийцы.

Никого.

И тут он плюнул на свои навыки и в несколько прыжков пересек расстояние от стены до кровати. Кровь пролилась повсюду, на простынях виднелись пятна и полосы. Кунал схватил дядино запястье, положил два пальца на холодное горло.

Неверие, горе, ярость пронзили его, и он сжал безжизненную дядину ладонь. Кунал ощущал, как теряет власть над собой – теряет единственное, что всегда требовал от него дядя.

Первым делом он должен предупредить командующего. Запекшаяся кровь вокруг раны и холодная кожа говорили, что смерть, скорее всего, наступила несколько часов назад.

Он был солдатом и видел смерть раньше, но она никогда не затрагивала его лично.

Дядю Сету убили в постели. Без возможности сопротивления. Что за подлый негодяй способен на такое? У Кунала на руках была кровь, которую не смыть, но все убийства он совершил на поле брани. Во время почетного боя лицом к лицу с врагом во имя Джансы. Убийство беззащитного было трусостью.

От слепой ярости застучало в висках, и Кунал согнулся, едва дыша. Вот почему дядя учил его самоконтролю, спокойствию и невозмутимости. Всякий раз, когда Кунал терял самообладание, его начинала терзать мигрень. Прислонившись к резному столбику кровати, он удержался на ногах, и рельефный золотой орел врезался в его ладонь.

Со стороны лестницы раздались быстрые шаги.

Кунал немедленно выпрямился, стараясь овладеть собой, и он едва почувствовал, что руки больше не дрожат, дверь открылась.

В комнату ворвался командующий Панак, следом двое солдат. Все трое были блее соли.

– Я надеялся, ты этого не увидишь, – начал командующий. – Ушел искать носильщиков, чтобы спустить тело вниз для ритуалов. Мы нашли его только четверть часа назад. И солдата в отключке у стены.

Кунал кивнул.

– Я как раз собирался поднять тревогу.

– Уже не нужно, но спасибо. – Панак напряженно улыбнулся Куналу. – Солдат до мозга костей.

– Убийца? – В груди ревел ураган, но лицо Кунала было безмятежным, как озерная гладь. Дядя бы им гордился.

Командующий устало качнул головой.

– Неизвестен.

– А солдат снаружи, господин? Он может что-то рассказать?

– Он только бормочет что-то несвязное. Его нашли там без памяти, воняющего медовухой, – ответил Панак. – Не думаю, что он намеренно впустил убийцу. Вероятно, все из-за безответственности – напился и лишился оружия, – однако мы посадили его в колодки. Позор, а не солдат.

Кунал молча кивнул. Мальчишка, видимо, умер ночью от ран.

Командующий вздохнул и пробежал пальцами по коротким волосам. Он постарел всего за несколько часов.

– Подозреваемые есть, господин? – уточнил Кунал, стараясь держать чувства в узде.

Командующий Панак заколебался.

– Один.

Кунал ждал продолжения, но Панак ничего не пояснил, только уставился на него, как будто что-то обдумывая.

– Встретимся через час в Зале генералов, Кунал. – Голос Панака неуловимо смягчился. – Тебе захочется туда прийти.

Глава 5

Эша шла, то и дело оглядываясь, по грязным дорогам Поры, маленького торгового городка, расположенного на лесистых холмах у краешка дождевой чащи Тей.

Пора была стоянкой для усталых путешественников и купцов на Великом пути, главной торговой дороге, соединяющей восток и запад через Южные земли. Здесь также обитал один из ее осведомителей Джитен – скромный ростовщик, чья лавка служила прикрытием для куда более неблагоприятных занятий.

Лавка Джитена была ее единственной остановкой на пути в Крепость, а сам Джитен являлся одним из немногих обладателей лунной булавки вне круга соклановцев: их вручали только Клинкам и ближайшим союзникам как символ преданности делу.

Ради его же блага она надеялась, что подозрение беспочвенно.

Никто не мог знать о Гадюке, но, проходя через центр города, она не могла отделаться от ощущения слежки. После минувшей ночи, после лунной булавки и копии меча-плети в комнате мертвого генерала Эша уже не могла быть ни в чем уверена. Разве что в необходимости сейчас быть еще более осторожной и предусмотрительной.

Спокойная дорога за спиной умеряла тревогу, но не слишком. Эша знала – как только солдаты найдут ее меч, который она обменяла на копию, то кинутся в погоню за Гадюкой. Единственным утешением служила мысль о том, что все будут искать мужчину.

Тысячи вопросов переполняли разум, и все возвращали ее к единственной отвратительной идее. Что, если убийца генерала знал – она не просто Гадюка, а одна из Лунных клинков? И что еще хуже – она входит в круг вожаков и

сотрудничает с Харуном, наследным принцем Дхарки?

Хотя солдаты Крепости сражались с Клинками в пограничных стычках, их растили для войны, и рейды против мятежных застав проводила в первую очередь пехота. Однако грязное убийство вроде этого могло заставить даже элитных Щитов Сенапа преследовать мятежников и брать их в плен.

Вспоминая последнюю встречу со Щитами, Эша инстинктивно потерла локоть правой руки. После того как родителей убили у нее на глазах, саму Эшу схватили и неделями держали в городской тюрьме Гвали, подвергая «допросам».

Одна из сломанных костей так и не срослась нормально. Она тренировалась с учетом этого обстоятельства. Но, несмотря на то что левая рука никогда не вытягивалась так, как правая, девушка спокойно игнорировала этот факт, компенсируя недостаток своими мечами для балансировки тела в бою.

Все во имя потерянной принцессы, единственной, кому удалось ускользнуть.

Эша вздрогнула и свернула за угол, нырнув под низкую каменную арку. Слева покрытые шелком торговые прилавки сияли, точно неграненые рубины; она повернула направо.

Даже записка Харуну в лагерь мятежников может быть опасна, особенно если записку перехватит и передаст властям настоящий преступник, тот самый, который пытается ее подставить. Лишь несколько избранных знали об отправке Эши на эту миссию, и потому сейчас она может верить только себе.

Это не первый раз, когда ее загнали в угол, но она получит ответы, даже если придется их из кого-то выбить. И первым попадет под горячую руку Джитен, ее первая зацепка.

Узкие грязные тропки вывели в пригород, где к низким, заросшим бурьяном холмам лепились хижины и палатки. На горизонте маячил дождевой лес Тей – зелено-золотая дымка в слабых лучах солнца. Раньше Тей простирался до Поры, его лозы и деревья ползли по домам, однако в последние годы все изменилось.

Эша затянула лямки сумки, чтобы те не соскочили с мокрой спины. По крайней мере, тюрбан немного спасал от вездесущей пыли, которую ветер поднимал с земли, опаленной засухой. Везде она видела признаки вырождения и гибели.

Десятилетие назад все было по-другому. Зной грозил, но не убивал, и почва рождала великолепные пурпурные цветы и сочные фрукты. Но после того, как мать-река Бхагья стала пересыхать, после разрушения уз «джанма», на этом клочке земли больше ничего не росло.

Во всем виноват король-самозванец.

Десять лет назад Вардаан Химьяд, младший из двух принцев, был вторым в линии наследования дхарканского трона, но это положение не удовлетворяло его тщеславие. После окончания Северной войны он нанялся на службу к королеве Шилпе и вместе с Сету Хотха, тогда еще просто командующим, стал медленно наращивать силу. Вардаан обещал землю и деньги тем, кто последует за ним, и сумел завербовать два из пяти высших родов знати Джансы.

В самую длинную ночь в году, как только джансанская королевская семья вернулась из путешествия в горы, целью которого было возрождение связи «джанма», Вардаан и Хотха нанесли удар. Союзники овладели столицей, в то время как верные Хотха военные заняли два гарнизона и Кровавую крепость, убили семью королевы, придворных и всех, кто оказывал сопротивление.

Все члены рода Самьяд, королевской династии, правившей столетиями, сгинули в одну ночь.

Вардаан распространил байку о том, что королева и ее близкие замыслили заговор против Джансы, заключив союз с кланом Йавар с севера для захвата Южных земель. Но большинство людей знало истину: король-самозванец взял трон ради собственной власти и выгоды.

День после солнцестояния, который некогда отмечался как праздник возвращения Солнечной девы на землю, теперь стал известен как Ночь слез для семей, которые проснулись, только чтобы горевать о потерях. Шептали, будто сами боги роняли слезы в ту ночь, и от их гнева небеса потемнели, а после начался проливной дождь – он скрыл бегство племянницы королевы, принцессы Рехи, из дворца и спас ее от убийцы.

Убийцы, восседавшего сейчас на троне.

Земля с тех пор страдала, делаясь все более и более непредсказуемой. Древний и полный тайн ритуал обновления «джанма» изучали мудрецы в Гвали и Матхуре, но основу знал каждый житель Южных земель. Требовалась кровавая жертва и от женщины из рода Самьяд, и от мужчины из рода Химьяд – такая же, как первое приношение богам от Нарана и Нарии.

Только у Химьядов и Самьядов, прямых потомков Нарана и Нарии, текла в жилах оборотническая кровь, необходимая для восстановления уз «джанма». Королева Шилпа, ее дочери и сестры стали последними представительницами Самьядов.

Теперь, после уничтожения половины священной крови, Джанса на много лет забыла о муссонах. Без естественных, творящих жизнь сезонов дождей сухая жара и летние ветры превратили джансанские земли в пустоши.

Вид умирающей земли рвал душу в клочья.

Еще следовало бы радоваться скорому возвращению домой, предвкушая встречи с друзьями в Матхуре, столице Дхарки, – Арпийя, Харун, Бханду, близняшки, – но вместо этого она впала в уныние.

Свернув за угол, девушка почти врезалась в мчащегося резвого малыша и тут же заметила его маму, бегущую следом. Мальчик был пойман за плечи и передан уже подросшей запыхавшейся матери. Она наградила Эшу благодарным взглядом и принялась журить сынишку. Уходя прочь, Эша усмехалась.

Происшествие напомнило ей об Арпийе, о том, как та запрокидывала голову и тяжело вздыхала из-за того, что Эша сказала или сделала. Арпийя была на два года старше и не упускала случая поважничать. Эша не возражала. Она всегда мечтала о сестренке. По Арпийе Эша скучала больше всего, но еще сильнее ей хотелось дружеского общения, чувства, что тебя кто-то понимает.

Может, именно поэтому она не могла выбросить из головы того великодушного солдата. Это была самая длинная и приятная беседа за последние недели, и Эша постоянно проигрывала ее мысленно – снова и снова.

Она покачала головой. Как бы то ни было, а они больше никогда не увидятся снова.

Эша прошла мимо двери, куда входили клиенты Джитена; ей требовался другой вход, спрятанный за толстым джутовым покрывалом. Она рывком отодвинула его и проскользнула внутрь, стараясь не скрипнуть дверью.

Эша затаилась в углу с обнаженным клинком, как мстительный призрак.

Без сомнения, сегодня она получит ответы на свои вопросы.

Глава 6

Зал генералов был одним из любимейших мест Кунала в Крепости.

Восьмилетним растерянным мальчишкой-новобранцем он частенько приходил сюда, чтобы полюбоваться на высокие статуи прославленных генералов. Он восхищался правдоподобием мраморных барельефов и рядами картин, изображавших величайшие победы каждого героя. Проводил часы под позолоченным потолком Зала.

Как-то он пришел к выводу, что чем больше он узнает об этих людях, которых дядя называл «великими», тем больше станет на них похож. Подражая их позам, повторяя их подвиги, он мог стать тем солдатом и племянником, который был нужен дяде. Осиротевший и одинокий, Кунал мечтал влиться в ряды жителей Крепости и получить дядино одобрение.

Он провел рукой по золотой булаве Васу – первого генерала Джансы и доверенного советника Нарии. Отныне Зал генералов превратился в напоминание о еще одном потерянном члене семьи.

Будет ли изображение дяди достоверным, передающим противоречия его характера? Его яростное следование долгу, хитрость, грубость, моменты доброты, амбиции – отразит ли все это скульптор?

Главная дверь в Зал открылась, и командующий со вострашенными темными волосами вошел размашистым шагом. За ним следовали трое солдат – Лакш, Амир и Ракеш. Вместе они представляли разные полки Крепости: боевых колесниц, элѐфантерии и кавалерии.

Двое слуг в конце несли завернутый в традиционную белую ткань тук – обмытое тело дяди. Именно в этот миг Кунал понял: от реальности не убежать.

Дядя Сету мертв.

Неподвижность, отсутствие души. Видеть подобное всегда тяжело, но сейчас он просто не мог поверить, что огненный дух дяди навеки погас. Без него Кунал осиротел снова.

Командующий Панак не позволил ему нести тело, как велит обычай членам семьи, – это было не по Уставу.

Все изменилось после смерти генерала, и неважно, что Кунал – единственный, кто остался в живых из семьи. Что ж, он хотя бы узнал обо всем одним из первых вместо того, чтобы выслушать объявление в столовой, как обычно. От этой мысли ему стало немного легче.

Командующий кивнул Куналу, Амиру, Лакшу и Ракешу.

– Я привел вас четверых сюда, чтобы вы стали свидетелями некоего события, но если вы пророните о нем хоть слово без моего прямого приказа – просидите в кандалах две недели.

Амир и Ракеш обменялись взглядами, а Кунал подошел к Лакшу.

На лице друга читалось смущение, на руках виднелись свежие порезы после боя, а от него самого слабо пахло дымом и сталью. Должно быть, его вызвали с тренировки на нижних уровнях, возле кузниц. Лакш бросил на Кунала вопросительный взгляд, но тот промолчал, только указал подбородком на белый саван.

Белую простынь подняли, открыв тело, и все, кроме Кунала, невольно отпрянули. Кунал отвел взгляд, оставшись на месте.

– Наша Крепость лишилась главы, который вел нас железной рукой и сам был будто меч. Прошлой ночью его убили в кровати. – Из голоса командующего пропала скорбь, осталась только сталь. – Хладнокровно и обдуманно, не пытаюсь скрыть случившееся. Убийца хотел, чтобы мы знали. Взгляните, что он оставил.

Командующий с гримасой отвращения вынул из кармана меч-плеть и швырнул его оземь. Металлическая рукоять, украшенная двумя змеями, звякнула о мраморный пол, и звук отразился эхом от стен огромного помещения.

– Гадюка, – прошептал Амир почти благоговейно.

– Невозможно, – произнес Лакш.

Кунал внимательно посмотрел на обоих.

Он всегда считал Гадюку мифом. Многоликое существо со сверхъестественным талантом маскировки – подарком лукавых духов-обманщиков, шпион с двумя мечами-плетями, словно змея с раздвоенным жалом, темное воплощение Нарии, посвятившее себя правосудию. Неважно, какой из слухов верный, совпадало в них одно: Гадюка посвятил себя уничтожению джансанской армии.

Нельзя сказать, что такой человек не мог существовать на самом деле: преступник-дхарканец с талантом к шпионажу и убийствам – почему бы и нет? Однако деяния Гадюки являлись настолько изощренными, что рассказы о них граничили с вымыслом.

В течение шести лун он, по слухам, пронесся по всей Джансе – нарушил джансанскую блокаду порта Пунохар, украл груз железа, предназначенный для столицы, и, что самое ужасное, убил младшего члена совета Дома Айюл на западе. Люди шептались, что убитый – сборщик королевских налогов – сам был отъявленным вором, но член совета остается членом совета.

Невзирая на это, ни Клинки, ни другие группы мятежников никогда не заявляли о своей связи с Гадюкой. При любых обстоятельствах человек-призрак работал в

одинокую. Образ одинокого мстителя и захватывающие дух истории сделали из Гадюки легенду в сердцах и умах как джансанцев, так и дхарканцев.

Кунал и большинство капитанов полагали, что Гадюка – это прикрытия для группы вражеских лазутчиков. Вполне вероятно, что данное прозвище делили разные группы сопротивления, но доказательств этому предположению пока не нашлось.

И все-таки что-то не сходилось, словно неверный оттенок заката на рисунке. Гадюка славился тем, что оставлял безделушки со своим знаком – двумя змеями. Но его собственный меч-плеть – прямо из легенды? С какой стати он его оставил?

– Гадюка – трус, коварно разрушивший наши корабли, убивший отличных солдат, укравший завоеванные нами земли, – заслуживает возмездия. Поэтому у меня есть задание для вас. Нелегкое задание, – предупредил командующий Панак. – Каждый из вас был избран, чтобы представлять свой полк. Тот, кто отыщет Гадюку, станет следующим командующим Крепости и поведет за собой новое поколение солдат.

У Кунала зашумело в ушах. Вот чего дядя для него желал, вот к чему подталкивал с того момента, как застенчивый восьмилетка пришел в Крепость. Да, это опасно, но где опасность, там и возможность – которую нельзя упустить.

Дядя Сету был суровым человеком, но он принял Кунала и показал ему другую судьбу, когда прежняя разлетелась на осколки. Такое стоит тысячи солнц. Он обязан дяде жизнью.

Он должен выполнить задание в знак благодарности за все, что дядя для него сделал. Кунал разыщет труса, убившего его единственного родственника, и приведет сюда для воздаяния. И в довершение наградой за месть будет пост командующего – именно то, чего генерал так отчаянно хотел для племянника.

– По вашей легенде, вы – часть отряда, отслеживающего подпольщиков, однако Гадюку вы будете искать самостоятельно. Единственное требование в рамках миссии – отмечаться каждую неделю в близлежащем гарнизоне. Тот, кто пропустит две проверки, вылетит вон.

Кунал постарался не выказать удивления. Сказанное означало, что миссия будет целиком на их совести – и планирование, и исполнение.

– Найдете и приведете Гадюку в ближайшие две луны – и пост командующего ваш.

Кунал смотрел на остальных, ожидая подвоха.

– Не сумеете схватить Гадюку, позвольте другому солдату поймать его первым – и примете наказание, выбранное вашим новым командующим и мной. Миссия необычная, поэтому награда и наказание особенные.

Кунал побледнел, осознав, что может потерять повышение в Щиты Сенапа. Или что-то похуже, если Ракеш станет командующим. Он поборол страх – проигрышу не место в его планах. Командующий взгляделся в четырех солдат перед собой.

– Времени у вас достаточно. Я даю вам две луны до начала Солнечной встречи.

Куналу стало любопытно, отчего именно Встречу – начало игр, которые раз в два года проводили в честь победы Нарии над Владыкой смерти, – выбрали как окончательный срок. Но времени подумать не оставалось – командующий взглянул прямо на него.

– Кунал Дхаган. – Он поднял голову при звуке своего имени: единственным воспоминанием о семье матери, которую позволил сохранить дядя, была фамилия. – Ты все еще не произведен официально в члены Щитов Сенапа, но я попросил, чтобы ты, как племянник генерала, представлял их в этой миссии. – Тон командующего смягчился в отличие от выражения лица. – Задача эта неблагодарная. Я не подумаю плохо ни о ком, кто сейчас попросит разрешения уйти.

Взгляд Кунала был неподвижен. Этого от него и ждали; командующий выразился предельно ясно. Сомнения можно оставить на потом.

У других солдат причин остаться было еще меньше. Отступив сейчас, они не запятнают родовую честь. Поиск убийцы – не их долг. Но они не собирались отказываться.

Кунал взглянул на Лакша, чьи губы сжались в решительную линию, и ощутил прилив благодарности, даже если это и означало, что они впоследствии станут соперниками. Ему единственному он согласился бы проиграть.

– Начинаете утром, солдаты. Можете работать вместе, но не забывайте – тот, кто вернется с Гадюкой, станет отдавать приказы всей Крепости... и мне. – Он посмотрел на каждого, особенно задержавшись на Кунале.

Кунал стиснул челюсти. Это его шанс стать командующим, возглавить Крепость и почтить память дяди. Сету Хотха уже нет в мире живых, но Кунал знал – этого он всегда хотел для племянника.

– Во славу короля! – закричал командующий Панак, и солдаты в ответ стукнули по груди, с воодушевлением повторив его слова. Крики эхом загремели по Залу.

– Найдите проклятого ублюдка и приведите ко мне! – Командующий резко развернулся и вышел, бряцая оружием.

Глава 7

Алок едва не выронил миску, глядя на друзей как на идиотов.

– Да с какой стати вы вообще согласились?

Лакш вздохнул.

– Это потрясающая возможность, Алок. Обычный солдат и за десять лет не дорастет до командующего.

– И это наш долг, Алок, – вмешался Кунал.

Его долг, его обязательство перед дядей.

– Но, Кунал, вспомни ваш последний разговор с генералом.

– Он просто расстроился, что я просил о переводе в Гвали. Может, он был прав. Возможно, мое место – здесь, в Крепости.

– Он хотел, чтобы ты остался в Крепости, но это не значит, что он был прав. Подумай, чего хочешь ты, Кунал?

– Я хочу выполнить миссию.

– Ты не обязан...

Кунал взглянул на друга, и, к его удивлению, Алок смолк.

– Спасибо за бурную поддержку.

Алок обернулся к нему со странным выражением.

– Я ваш друг. Я не желаю видеть кого-либо из вас мертвым. Гадюка сумел проскользнуть в Крепость и зарезать чертова генерала. Генерала! – грохнул он кулаком по столу.

Лакш цыкнул на него, оглядев слабо освещенную столовую.

Неожиданно Куналу в голову закралась смутная мысль... Гадюка сумел проскочить в Крепость прошлой ночью...

Дверь в столовую распахнулась с грохотом, и солдаты за столами дружно оглянулись. Двое бойцов внесли тело, и Кунал чуть было не ринулся к ним, прежде чем осознал, что оно слишком мало для дяди.

Мальчишка, которого они видели в кандалах. Его растерзанный вид представлял разительный контраст с телом дяди – ни обмывания, ни положенных ритуалов.

По рядам пробежал шепоток: наполовину брань, наполовину молитва.

Командующий Панак встал, держа руку на эфесе меча.

– Пусть это послужит предупреждением: солдат не выполнил своего долга минувшей ночью. Он не будет почтен в смерти, как не был и в жизни.

Алок ахнул так тихо, что услышал только Кунал, но он понял.

Скорее всего, солдат оставался еще живым, когда был найден, но его провал стал в итоге причиной его смерти. Предположение Кунала было ошибочным. Боец не скончался ночью из-за ран.

Его смерть... в его казни не было необходимости. Ничто бы не убедило Кунала в обратном. Он был таким юным, совсем новичок, вдобавок нетренированный.

Их всех, как солдат, окружала смерть, и они пользовались ею как собственным оружием. Испугаться смерти для воина – то же, что пригласить ее, чтобы отдать душу. Кунал заставил себя поднять глаза и взглянуть в тело мальчика, съжившееся после кончины. Нужно вспомнить и почтить маленькие истории, надежды и мечты, которые он, как и все они, лелеял в сердце.

Жизнь солдата холодна и безжалостна, и Кунал не всегда понимал, как с ней свыкнуться. Он вдохнул, проговаривая небольшую молитву за мальчика, а затем закрыл свое сердце на железный замок, отгораживаясь от эмоций.

В итоге долг и дисциплина, отработанные годами, взяли свое – Кунал успокоился, отбрасывая прочь все иные чувства. Столовая после ухода командующего взорвалась от восклицаний и болтовни. Слуги вынесли тело.

Преодолев смятение, Кунал сосредоточился на предстоящем задании. Он не закончит, как этот мальчик, не ошибется – он не имеет права.

Дядя заслуживает возмездия. И он сделает все, чтобы возмездие совершилось.

А значит, необходимо поймать Гадюку.

В ожидании, когда осведомитель наконец придет в себя, Эша упражнялась с кинжалом – подбрасывала и перехватывала на лету за рукоять.

Лавка выглядела противоречиво. Ряды чайных чашек и безделушек плохо сочетались с массивными бронзовыми булавами и хищными ножами и стилетами. Джитена Эша усадила на деревянный стул в центре этого хаоса, но вне досягаемости всего, что можно использовать как оружие.

Вздыхнув, она хлопнула Джитена по смугло-желтой щеке. Он пришел в себя, сопя и брызгая слюной, и, осознав, что привязан, в ужасе выпучил глаза.

Эша наклонилась к нему так, чтобы глаза оказались на одном уровне.

– Джитен, ты ничего не хочешь мне сказать?

Он потряс головой, стараясь высвободиться из веревок.

Эша подняла бровь.

– Уверен? Знаешь, я полагала, что у нас доверительные отношения. Ты даже говорил, будто я – твой самый любимый клиент.

– Так и есть, – заикаясь, промямлил он.

– Да ну? Тогда отчего ты так дурно со мной обошелся, Джитен? Кто-то узнал о моей миссии. Узнал о пункте назначения. А единственный человек, который в курсе моего задания в Джансе... хм... это ты, – смущенно проворковала Эша.

– Я никому не рассказывал! Да что я, несчастный, знал? Только одно – ты направлялась на юг. Я ничего вообще не сказал. И точно знал, что рот надо держать на замке! Никогда бы не совершил такой оплошности. И не стал бы сердить Га... тебя.

Эша, не отводя взгляда от собеседника, постучала пальцем по носу, и он поежился.

– Хорошее решение. И я верю тебе. – Джитен испустил вздох облегчения. – Но теперь я знаю: кто-то спрашивал обо мне. – Она прижала острие кинжала к тонким сухожилиям запястья. – Не лги мне. Я не хочу говорить остальным твоим клиентам, что ты распускаешь язык, как рыбака – сети. Или сказать им?

Пальцы Джитена дрожали, когда Эша по очереди кольнула каждый.

– Кое-кто расспрашивал тут о Гадюке, – выпалил он, отчаянно жмурясь.

Эша нахмурилась.

– Кто?

Он заколебался.

– Я не задаю вопросов тем, кто просто хочет обменяться сведениями. Мужчина прятал лицо в капюшоне. Он спросил о реке Бхагья, о том новом парне, Дхармдеве, который поднял шум в Гвали, а потом об исчезающих узах «джанма». И о Гадюке. Я ничего такого не заподозрил – даже мои постоянные клиенты спрашивают, что мне известно о знаменитом карателе. Ты... – Эша бросила на него жесткий взгляд. – Гадюка сам сделал себе имя. Ты отлично выполняешь свою работу, и это правда. Но, клянусь радугой Солнечной девы, я никогда не говорил никому о тебе или твоей миссии! Я даже не знаю, в чем она заключается! Просто занимаюсь своим делом, беру деньги и держусь подальше от всего этого, – выдавил он.

Эша выжидательно смотрела на Джитена. Его глаза забегали по сторонам. Эша видела достаточно таких гримас, чтобы знать – собеседник старается скрыть нечто неприятное.

Он сглотнул, теряя силы под ее взглядом.

– Но, когда я осматривался позже в тот день, булавка Клинков, приколотая изнутри к моей уттарье... пропала, – проблеял он.

– Пропала, – повторила Эша, пытаясь осознать новую информацию. Значит, истинный убийца всегда был на шаг впереди нее. – И ты не подумал сообщить об

этом мне?

Струйка пота скатилась по лбу Джитена, а его желтое лицо приняло зеленоватый оттенок.

– Я не хотел...

– Если ты когда-либо хоть намекнешь, что знаешь что-нибудь о Гадюке... неважно, правду или вранье ты выдашь, я вернусь и отрежу твой самый нелюбимый пальчик, – спокойно произнесла Эша, все так же держа острие над ладонью.

Джитен моргнул. Дважды.

– Самый нелюбимый? Не самый любимый?

– Ты прав, я заберу оба.

Эша встала и нависла над Джитеном с поднятым клинком.

– У меня есть новости! Есть новости. Ты захочешь их узнать, – вскрикнул он. Эша кивнула ему, предлагая продолжить. – Назначена дата подписания мирного договора. Через две луны.

Она замерла, поняв важность этих сведений.

Две луны. А это означает, что у нее осталась одна луна, чтобы вычислить заговорщиков и вернуться в Матхур. Крошечное промедление – и королевская делегация уедет без нее.

Джитен почувствовал перемену в Эше и затараторил:

– Шепчутся об одном Клинке. Он в окрестностях Фаора, к северу у холмов. С большим кошельком и собирается нанять караван. Если ищешь кого-то подозрительного, слишком осведомленного – поищи там.

Почему бы и нет? Эша не могла отрицать, что это имело смысл.

Враждебно настроенный Клинок мог представлять угрозу. Неясно, зачем бывшему Клинку было убивать генерала и подставлять ее, но она точно могла бы это осуществить, одна или вместе с сообщниками. Убийца оказался достаточно умен, чтобы украсть булавку Джитена, и неясно, было ли убийство генерала грандиозным завершением или грядут другие преступления. Думать об этом не хотелось.

Эша похолодела, осознав ситуацию. Большинство Клинков тренировали она и Харун, следовательно, нужно проявлять осторожность и не допускать тени сомнения при встрече с этой подозрительной мятежницей.

Итак, в Фаор.

– Видишь? Я полезен, – скромно напомнил о себе осведомитель.

– Ты был полезен – до этого дня. – Эша ухмыльнулась, и даже Джитен выдавил улыбку, ощутив, что реальная угроза миновала. Он с надеждой взглянул на свои путы и дернулся.

Эша собрала сумку и постаралась не уколоться, пряча кинжал под сари.

– Уверена, один из твоих слуг вскоре придет и развяжет тебя. Пусть это послужит тебе уроком. Не лги мне снова, – произнесла Эша, заталкивая тряпку ему в рот.

Слушая его протестующее мычание, она перекинула сумку на грудь и вылезла через окно.

Глава 9

Кунал аккуратно собирал вещи под пристальным взглядом Алока. Он уговорил друга помочь ему до отъезда в сборе любых возможных сведений – историй, слухов, небылиц – чего угодно.

Первое, что он узнал на тренировках Щитов: все сведения имеют определенную систему. Если бы только ему сейчас удалось вычислить систему Гадюки!

– Возьми бумагу. И мел, – подсказал Алок, напряженно глядя на него.

Кунал приподнял бровь.

– Бумагу и мел? Думаешь, я отправляюсь в неторопливую прогулку в горы?

– Нет, тупой ты бык. Но время от времени, будь любезен, пиши мне о том, что будет происходить. Докладам остальных я не доверяю. – Алок нахмурился. – Может, я не всегда веду себя подобающим образом, но давай не будем забывать, кто тут старший. Если с тобой что-то случится... в общем, я пригожусь вместо брата. Так что не будь тупицей и пиши мне. Используй почтовых ястребов, ты с ними прекрасно ладишь.

Кунал остановился, обдумывая слова Алока. А ведь он прав.

Не считая генерала Хотха, Алок – единственный человек в Крепости, кому не безразлична его судьба.

– Буду писать. Обещаю, – искренне произнес Кунал. Алок чуть расслабился, лицо разгладилось. – Хотя удивлен, что ты не попросил об этом Лакша.

– Уже пытался.

Облачко пробежало по лицу друга, но пропало так быстро, что Кунал решил – показалось.

– Ладно. – Алок похлопал Кунала по спине. – Для мужчины, который практически смотрит смерти в лицо, ты выглядишь не больно-то взволнованным.

Кунал скорчил гримасу.

– Мысль о том, что я смотрю в лицо смерти, может все изменить, так что выберу-ка я выражение мужчины, который желает отомстить за честь дяди. – Алок

фыркнул. Кунал продолжил, надеясь сделать так, чтобы друг от него отстал: – И мужчины, который планирует вернуться в роли твоего командующего. Может, тогда я поставлю хороший замок на дверь и обрету немного покоя, – пробормотал он.

Во взгляде Алока забрезжило понимание.

– Так вот в чем дело. Не думал, что в тебе сидит такое. Вышние боги, ты действительно хочешь стать командующим? Или просто продолжаешь дядюшкины планы?

Кунал пожал плечами.

– Если Крепость – мой дом на всю жизнь, я хочу завоевать право управлять ею. Вести в нужном направлении. – Он не упомянул, что сейчас целиком процитировал дядю.

Его долг – возглавить Крепость, почтить род.

Кунал слышал все это столько раз, что мог бы отчеканить даже на дне морском. Он знал, что фраза «вести в нужном направлении» значила для дяди, но пока еще не решил, что она означает для него. В голове роились идеи, робкие мечты и намеки на перемены, которые, как он надеялся, можно было осуществить, и Кунал тешил себя надеждой, что это путешествие внесет ясность.

Он помнил сказания, которые слышал в детстве от мамы: о джансанской армии, воителях древности, сотворенных по образу Нарии, справедливой и сильной полубогини-близнеца. Та армия была почитаема в отличие от нынешней.

Может, это только мечта, но, как командующий, он мог бы попробовать вернуть армию к истокам.

Алок свистнул, вырывая из размышлений.

– Я под большим впечатлением. Думал, ты лезешь во все это из-за какого-нибудь глупого чувства долга перед дядей. Он был могучим генералом, но тебе поблажек не давал.

– Конечно, я... – Он остановился, поняв, что будет легче успокоить Алока, убедив его в том, что согласился ради собственной выгоды. И Кунал не мог отрицать сурового и жесткого генеральского нрава, да и не хотел. – И то и другое, Алок. Честь и амбиции. Это все, что у меня сейчас есть.

– Ладно, скажи – какие-то сведения из уже собранных тебе пригодились? – спросил Алок.

– Мне казалось, там лишь куча рассеянных и бесполезных баек. Но я заметил определенную систему.

Алок поднял бровь, и Кунал начал загибать пальцы по очереди.

– Первое – Гадюка работает в одиночку, это говорят все. Никаких официальных связей с Лунными клинками или любой иной группой мятежников. Да, подозрения есть, но Клинки никогда не отказывались от своих агентов, особенно от таких опасных и известных личностей, как Гадюка, которые могли бы их прославить. Второе – нет четкого описания лица Гадюки, он обычно исчезает сразу после миссии, не ввязываясь в драку. И, наконец, два меча-плети. – Кунал сделал паузу, и Алок придвинулся ближе. – Это означает скрытность. Гадюка полагается на скорость и осторожность, а не на грубую силу.

Алок длинно присвистнул.

– То есть ты прислушаешься ко мне и не станешь лезть в эту сумасшедшую миссию?

Кунал взглянул в небо и ничего не ответил, пряча сухие пайки, оставшиеся со времен последнего похода на запад.

– Отлично, не обращай на меня внимания, – сказал Алок. – Знаешь, когда я разговаривал с Зейном, он сказал, что кое-кого видел той ночью.

Кунал резко обернулся.

– И ты молчал? Я думал, ты вроде бы хочешь, чтобы я вернулся.

– Ну да, я забыл, – закатил глаза Алок. – Показалось, это пустая болтовня. Он надрался хуже, чем торговец на Лунном фестивале. По его словам, тут была девушка.

Кунал застыл, положив руку на сумку, не чувствуя, что в другой руке зажал нож. Он взглянул вниз: через ладонь стекала струйка крови.

Алок, ничего не замечая, ухмыльнулся и продолжил:

– Ясное дело, вино ударило в голову. Хотел бы я, чтобы этой ночью тут гуляли девчонки. – Он смущенно фыркнул. – Зейн как будто хочет, чтобы его сочли ненормальным.

Это абсурдно. Легендарный Гадюка, убийца солдат, воин мятежников... Девушка?

Эти ореховые глаза – и нож в сердце генерала?

Кунал старался, но никак не мог вообразить такое.

Она – торговка из Джансы, пришла продать маковые семена и сразу ушла. Если бы он счел ее кем-то другим, если бы только заподозрил, то вел бы себя более осторожно и бдительно. И Кунал мысленно рассмеялся, отменяя прочь эти мысли. Стражник всего лишь принял желаемое за действительное.

– Алок, задница ты ленивая, помоги уложить вещи. Я должен отправиться с остальными еще до заката.

Друг хмыкнул, но все же подошел и швырнул ножны с оружием Кунала на кровать.

– Как я могу быть ленивой задницей, когда я такой хороший помощник?

Продолжая обмениваться колкостями с Алоком, Кунал радовался, что может отвлечься от мыслей о ночной гостье.

Глава 10

Эша залюбовалась последним угасающим лучом заката.

Дома, в Дхарке, шел сезон муссонов, и она смотрела вверх по привычке, хотя и знала – в Джансе дождя не будет. Она устроилась в укромной развилке дерева, которое полностью скрыло ее хрупкую фигурку от посторонних глаз. Дождевой лес Тей был густым, с сотнями баньянов – идеальное убежище.

Ночевать на земле слишком рискованно – еще один побочный эффект нарушенных уз «джанма». За последние два года стали происходить странные вещи: звери, раньше питавшиеся ягодами, превратились в хищников, кривые корни деревьев хватали путников в сумерках. Даже земля будто гневалась на тех, кто ступает по ней.

Чтобы укрыться от насекомых, Эша вытащила маленькое одеяло, а заодно достала и украденные свитки. Она уже просматривала их раньше, но для изучения требовалось уединенное место. Окружающие звуки – щебетанье птиц и шипение зверей, ветер в кронах наверху – обрушивались слитным гулом. Это было единственное уединение, доступное во время бегства.

Она прищурилась, стараясь в последних лучах солнца разобрать на свитке покосившиеся каракули. Задача трудная сама по себе, но кто-то вдобавок решил написать проклятые доклады на староджансанском, которого она не знала. Она втайне надеялась, что годы обучения стардхарканскому помогут, однако, несмотря на общий алфавит, два языка различались достаточно, чтобы обеспечить Эше мигрень.

Эша боролась с желанием скомкать пергамент и бросить его на забаву семейству обезьян через два дерева от нее. Вместо этого она потерла глаза и скрутила свиток, решив повторить попытку утром, когда она доберется до следующего городка на пути к Фаору.

Пришла ночь, и деревья в темноте начали лучиться бледным светом. Эша позволила себе минутку полюбоваться жизнью дождевого леса в потусторонней радуге цвета. Она с детства слышала истории о Тее, сияющем доме деревьев, но увидеть его воочию было невероятно. Словно весь Тей окунули в ярко-зеленую

краску.

Хотя земли на юге пострадали от засухи, свечение леса не гасло, правда, свет побледнел по сравнению с ее первым визитом сюда. Мудрецы из университета Дхарки говорили, будто участки с более сильной магией, такие как Тей, будут дольше сопротивляться зною. Эша тихо радовалась тому, что связь «джанма» еще не погибла в этих местах – это успокаивало и дарило надежду...

Тей всегда напоминал Эше о вечерах, когда она сворачивалась клубочком на папиных коленях, слушая сказания о Дхарке и Джансе: о том, как Наран и Нария помогли богам перемешать море, как они вытащили двойной полуостров – будущие Южные земли – из воды; как получили от луны и солнца благословение изменчивой крови – дар от богов, призванный соединить землю и их народы на века.

Она шевельнулась, устраиваясь поудобнее, и в глаза бросились серебряные отблески на воде, напомнив любимую часть истории.

Солнце и луна заарканили небесную реку и бережно разлили ее по земле для Нарана и Нарии. Смешанная кровь близнецов, вытекшая из ран на ладонях, привязала реку Бхагья к земле, направив притоки на восток и запад полуострова, к Джансе и Дхарке. Вот так и появились узы «джанма», обновлявшиеся каждый год на горе Бангаар в день зимнего солнцестояния при помощи кровавого приношения от прямых потомков полубогов-близнецов. Этот ритуал был окутан тайной, его детали охранялись правящими династиями – единственными участниками не королевского происхождения стали маги-мудрецы из университетов обеих стран. И уже трудно было отличить миф от реальности.

Все-таки сказание заставляло ее дрожать даже теплой ночью. Люди приняли узы «джанма» как нечто само собой разумеющееся, и поглядите, куда это привело. Без укрепляющей крови обеих династий Джанса умирала. Если верить мудрецам, за ней умрет и Дхарка. Следующий ритуал обновления станет последним. До него оставалось шесть лун, однако решения до сих пор не нашли.

Эша потерла веки. Худшая проблема из всех. Она вдохнула густую ночную тьму, чтобы та приняла ее и успокоила. Затем откинулась на ствол дерева и закрыла глаза, быстро соскальзывая в мягкую приятную дрему.

Эша очнулась оттого, что в воздухе потянуло дымом. До нее донесся шум, вначале совсем слабый, затем Эша различила в нем потрескивание огня.

Она мгновенно встала на ноги, стараясь при этом не упасть с дерева. Костер дымил неподалеку, и Эша не знала, останутся ли чужаки у огня. Ветви баньяна нависали низко и прекрасно скрывали ее от путников, шедших по утоптаным тропкам, но ничем бы не помогли в случае, если кто-то встанет прямо под деревом.

Эша свернула одеяло и, быстро вскарабкавшись выше, осторожно выглянула из густых ветвей.

Солдаты или разбойники? Несколько разбойников она в свое время уничтожила, они оказались шустрыми, но плохо обученными. Солдат – это гораздо хуже.

Эша высунулась из-за ветки, пытаясь разобрать очертания фигур в лагере. Вроде бы четверо, примерно в трехстах шагах от нее. Далеко, но недостаточно.

Она выругалась про себя. Солдаты. Доспехи они смазали маслом, чтобы не поднимать шума, но языки огня отражались в кирасах и бросали отблески на мерцающие деревья. Эша прикидывала, что делать дальше.

Остаться на месте и молиться богам, чтобы солдаты ее не заметили? Незаметно уйти самой? Оба варианта имели свои недостатки.

Мысли кружились в голове бурным водоворотом. В лучшем случае она сможет спрятаться, пока они не пройдут. В худшем – они ее найдут и отволокут обратно в Крепость, а это последнее место, куда ей хочется попасть.

Если они не свернут с пути, она будет в безопасности. Возможно.

За минуту она собрала сумку, приторочила обратно одеяло и, стряхнув сияющую пыль, беззвучно сползла с дерева вниз.

Через полчаса она уйдет от неожиданных соседей достаточно далеко и тогда отоспится.

Глава 11

Не то чтобы Кунал ненавидел Ракеша – он его просто недолюбливал.

И, конечно, как это часто бывает, Ракеш стал одним из четырех солдат, избранных для этой миссии. Сидя у костра, Кунал наблюдал за тем, как Ракеш яростно жестикулирует, а темные пружины кудрей прыгают вокруг покрасневшегося лица.

Кунал был против огня, но остальные, хоть и не подавали виду, слишком боялись лесных духов-обманщиков, которых можно было отпугнуть только костром. Ходили слухи, что последние десять лет Вардаан держал своих солдат подальше от леса потому, что сам некогда столкнулся с таким духом.

Логика в этом не было, ведь духи, согласно легендам, предпочитали ветреные холодные вершины кряжа Айфоры или бесплодный зной пустыни Хара. Да пусть даже рисовые поля южной Дхарки – любое место, где людям было тяжело находиться.

Правда, спутников мнение Кунала не интересовало. Даже Лакш пожал плечами и позволил остальным решать.

Кунал повернул палочку в руке, позволив куску твердого масла гхи[7 - Масло гхи – очищенное топленое масло, как правило, из молока буйволицы, широко используется в Индии для приготовления пищи, лечения и проведения религиозных ритуалов. Хранится в герметичном контейнере без холодильника, соответственно, может быть использовано в качестве «дорожного рациона». Хорошо сочетается с чечевичными лепешками папад (пападам) и специями.] медленно растаять поверх хрустящей чечевичной лепешки. Во время прошлых кампаний он научился хитростям, как сделать паек более аппетитным. Один вид топленого масла уже согревал душу в дороге.

Он попытался сосредоточиться на истории, которую рассказывал Ракеш, но при каждом его слове так и хотелось съязвить или поддеть. Лакшу и Амиру вроде бы нравилось. Или, по крайней мере, они притворялись лучше него.

Кунал снова отхлебнул рисового вина, стоившего в Крепости дешевле воды, и обнаружил, что опустошил фляжку быстрее, чем ожидалось. Он на самом деле настолько скучал? Или все дело в том узле в груди, который затягивался туже при каждой мысли о той девушке, Эше? Он раздосадованно встряхнул пустую фляжку, пытаясь извлечь еще хоть каплю со дна. Увы.

Куналу не удавалось отбросить эти мысли.

Гадюка мог быть девушкой. Хорошенькой девушкой. Хорошенькой, умной и забавной.

Косвенных доказательств было множество. Никто из солдат не стал бы предполагать, что Гадюка – женщина; большинство мечтали забыть, что всего лишь десятилетие назад в Джансе царил матриархат и женщин-воительниц почитали. Мужчины склонны думать, что только они могут быть коварными и хитроумными воинами – так проще для их самолюбия.

Версия про женщину также укладывалась в образ действий Гадюки. Торговля являлась единственным пока доступным для женщин ремеслом, где они никому не бросались в глаза. Она легко могла смешаться с толпой, и ее навыки шпионажа гарантировали успех.

Сменилась тема разговора, и Кунал наострил уши. Ракеш перестал хвастаться своим воинским мастерством, попутно унижая слушателей, и начал запугивать их историями о Гадюке.

Это Кунал был готов слушать очень внимательно.

– Гадюка – настоящий зверь, – произнес Ракеш, наклоняясь вперед и поправляя упавшую на потный лоб прядку. Он сидел, не прислоняясь к дереву, и вздрагивал всякий раз, когда частички сияющей пыли оседали на коже. – Он скользит, как змея, и жалит, как скорпион.

– Совсем как его меч-плеть, – ровно сказал Лакш, но Кунал различил насмешку в его голосе. – Я слышал, что говорили капитаны. Скорее всего, Гадюка – это группа, а не один человек.

Уголком глаза Кунал заметил, как Ракеш подался вперед и схватился за нож, оглядывая дерево позади себя. Он быстро спрятал клинок, убедившись, что никто не заметил момента его слабости.

– Может быть. А моя бабушка верит, будто Гадюка – возрожденный змеиный бог, чья главная цель – разрушить королевскую армию и защитить справедливость, – сонно, но уверенно сказал Амир. – Совсем как пропавшая принцесса, она смотрит на луну и рыдает, ожидая возмездия за семью.

– Пропавшая принцесса – это сказочка, которую распространяют мятежники, чтобы им сочувствовали. Настоящая принцесса Реха умерла от оспы через неделю после переворота, и слухи, что она еще жива, – полная чушь! У джансанцев других дел нет, кроме как выдумывать себе сказки на сон грядущий, – фыркнул Ракеш, качнув головой в сторону Амира.

Ракеш обдирал ветки, как будто даже с удовольствием, и куча коры уже валялась у его ног.

– Но Гадюка и правда нечеловечески силен и коварен.

– Если Гадюка такой монстр, почему вы все вызвались добровольцами? Вроде бы никто из вас на самоубийцу не похож, – спросил Кунал с искренним удивлением.

Пожалуй, из них именно Лакш лучше всего подходил на роль командующего. Сильный боец, с острым умом и здоровыми амбициями. У Кунала не было возможности поговорить с ним наедине: он еще не знал, поделится ли своими догадками о Гадюке, но ему очень хотелось побеседовать с другом свободно.

Амир был мечтателем до мозга костей. Насколько мог судить Кунал, Амир остался лишь ради того, чтобы стать свидетелем походов Гадюки и после выхода в отставку рассказывать о них многочисленным ребятишкам.

Ракеш был могучим солдатом, свирепым в бою, но он никогда не стремился к ответственности и не блистал талантом командующего, хотя и желал власти. Куналу следовало бы за ним приглядывать.

Ракеш ответил первым.

– Во славу короля. – Он замялся и добавил: – И чтобы отомстить за генерала.

– А не ради поста командующего? – поинтересовался Лакш, с силой швыряя в Ракеша кору. Тот раздраженно уклонился и повернулся к Лакшу.

– Ладно, ладно. И ради этого тоже, – бросил Ракеш. Куналу показалось, что он почти что покраснел. Странно. Стоит к нему присмотреться.

Он потел, даже когда лесная жара не была такой удушающей, а движения казались слишком резкими и дергаными. Ракеш был крупным молодым мужчиной – высоким, широкогрудым – и, скорее всего, попал в армию только из-за размеров. И не стеснялся использовать свое преимущество в росте и весе.

Кунал разочарованно сморщил нос, ковыряя сандалией лесную грязь. По крайней мере, они послушались его совета – сойти с тропы и углубиться в глухой лес. В противном случае группа бы стала легкой добычей для налетчиков – или даже Гадюки. Он – или она? – мог быть где угодно.

Может, стражнику девушка почудилась.

Сердце подпрыгнуло при этой мысли, но Кунал сдавил эмоции железным кулаком разума.

Нет, юный Щит был кем угодно, только не глупцом. Он не отвергнет ни одной возможности, пока не получит все факты.

В ушах перестало шуметь, а мысли встали на место.

Что ж, нельзя отбрасывать и другую версию – что она невиновна. Кунал ощутил, как вино бродит в крови. Ему захотелось оказаться одному хоть ненадолго. К тому же он хотел как следует разглядеть Тей, особенно ночной, а товарищи уже отказались от этой затеи. Уйти из этой чащи, не увидев ее красоты? Это было бы непростительно.

Он встал. Ребята, увлеченно обсуждавшие оружие для схватки с Гадюкой, вопросительно уставились на невесть куда собравшегося товарища. Кунал указал на пустую фляжку и повернул большой палец в направлении леса. Зов

природы был ничем не хуже другой, истинной причины уединиться.

– Не попадись в зубы тигру, – отсалютовал Лакш.

– Или Гадюке! – добавил Амир, расплываясь в широкой глуповатой улыбке.

Ракеш ухмыльнулся.

Кунал ничего не сказал – подобрал оружие и растворился в ночи.

* * *

Он шел по своим же зарубкам на деревьях, но найти их ночью, несмотря на свечение, оказалось трудновато. Идея полюбоваться ночным лесом казалась все глупее по мере того, как выветривались винные пары.

Сначала его отвлек высокий пронзительный вскрик синекрылого попугая, а затем – низкое ворчание какой-то кошки, и вот он осознал, что заблудился в глухом дождевом лесу. Кунал потерял глаза.

Всю жизнь звери будто пели для него, увлекая в свой мир. Хотя в Крепости были слоны и лошади, пребывание в джунглях оказалось иным, почти непреодолимо соблазнительным. Тяга, от которой не скрыться, ибо он ощущал ее в каждом уголке души.

То была завораживающая песнь.

Песнь, которая напоминала ему о детстве – и о матери. Кунал помнил ее голос, нашептывающий старинные народные песенки и предания джансанской истории, и эти воспоминания приходили к нему бессонными ночами снова и снова. Его мать была женщиной, полной жизни и музыки.

Ее лицо до сих пор стояло у него перед глазами. Мать убили в ночь переворота, несмотря на незначительное положение при дворе: она просто оказалась в неподходящем месте в неподходящее время. Последнее воспоминание – она запирает Кунала в их крошечной спальне вместе с няней. Дядя Сету обнаружил

племянника позднее и забрал к себе, взяв с него слово никому не рассказывать об увиденном той ночью.

Кунал никогда не оспаривал приказов. Он почти не сопротивлялся, когда дядя снова привел его в Крепость, убеждая, что он может стать великим воином, как отец Кунала. Он погрузился в солдатскую жизнь, надеясь, что она поможет забыть прошлое и стереть мягкосердечие, которое генерал на дух не переносил.

В самые темные и одинокие ночи в Крепости Кунал размышлял, какой могла бы стать его жизнь, если бы в ночь переворота они с матерью сбежали из дворца. Если бы они ушли раньше... или няня не потащила его прочь, чтобы спрятать...

Возможно, они до сих пор жили бы вместе, рисовали бы вместе, как раньше. Каждый вечер он с широко раскрытыми глазами наблюдал за закатом из самого высокого окна дворца, а мама учила его, как передать оттенки света и тени. Тогда его шрамами были пятна краски на руках, полем битвы – холст.

Кунал прикусил губу и потряс головой, словно надеясь таким образом вырвать из разума осколки памяти и вытряхнуть их на землю.

Он едва знал отца, за исключением пары смутных воспоминаний, но мама... даже десять лет спустя раны от ее потери так и не зарубцевались. Ее фамилия, Дхаган, – вот и все, что у него осталось.

Была причина, по которой он избегал ворошить прошлое.

Кунал попытался вернуться в настоящее, поскольку с каждой минутой становилось все яснее – он заблудился в Тее. Ну, хотя бы догадался прихватить с собой оружие. Он споткнулся о большой узловатый корень и ухватился за ствол дерева. Вдруг под ладонью почувствовал зарубку – и с облегчением выдохнул. В худшем случае он заночует здесь, а утром вернется обратно. Кунал потер ладони, стирая разводы от коры и зеленую пыль.

За спиной тихо треснул сучок. Он резко обернулся, мгновенно придя в боевую готовность, отточенную многолетними тренировками Щитов.

Шумели неподалеку, причем звук удалялся; кто бы ни находился тут в лесу, он был близко и пока не знал о присутствии Кунала.

Зверь? Разбойники? Гадюка?

На его стороне был элемент внезапности, а значит, можно пойти на разведку. Если это звери или разбойники – он вернется к остальным. Но если это Гадюка, у него появится шанс занять первое место в состязании.

Тей был единственной дорогой от Крепости, располагавшейся в стороне от главного торгового пути. Они уже опросили патрули на главной дороге, и впустую.

Кунал рискнул и, неслышно ступая, последовал за источником шума. Звук был слабым, однако годы тренировок позволяли различать самые легкие шаги. Кто бы там ни был, он не желал слежки и двигался скрытно.

Он присел, всматриваясь в поверхность земли. Изгиб ветки, на которую кто-то наступил. Более темные в лунном свете листья – еще один след.

Тот, кого он преследует, совсем рядом.

Кунал схватился за нависшую ветку и выпрыгнул на поляну.

Фигура в штанах и тюрбане стояла на поляне в прекрасной защитной стойке, с кинжалом и всего в двух шагах от него.

Спиной к нему.

Кунал узнал темные кудри, развевавшиеся на легком ветру.

Он прочистил горло, дав Эше секунду на то, чтобы развернуться.

Когда низкий голос прошептал ее имя, Эша чуть из кожи не выпрыгнула.

Она развернулась и едва успела остановить руку с кинжалом, в последнюю секунду узнав яркие глаза солдата из Крепости.

Кунал смотрел на нее тяжело и мрачно, явно ожидая объяснений ее появлению в лесу.

Мысли, как и сердце, пустились в галоп. Нет, драться с ним нельзя. Сейчас намного, намного более серьезные причины для беспокойства. Когда молчание затянулось, он заговорил:

– Что ты...

– Ш-ш, – прошипела она в ответ, сжавшись от страха.

Кунал их выдал!

Среди деревьев раздался свирепый рев, и глаза Кунала расширились, потому что теперь он понял, от кого готовилась защищаться Эша! Он обнажил меч и, крепко схватив Эшу за руку, оттащил назад, закрыв собой.

Эша едва не начала сопротивляться, но передумала. Если солдат в броне хочет стать между ней и тигром, грех не воспользоваться этим преимуществом! Она поудобнее перехватила кинжал.

Тигр выскочил на поляну, как оранжево-черная молния, и молча замер, переводя взгляд с Эши на Кунала. Его ярко-желтые глаза казались мудрыми и древними, как сам лес.

Кунал вроде бы выжидал, но чего – Эша не понимала. Похоже, зверь его зачаровал. Или он зачаровал зверя, хотя этого быть не могло: только члены королевских династий обладали, помимо кровного дара изменений, даром общения с животными.

Должно быть, он никогда раньше не видел тигра настолько близко.

Тигров в лесах Джансы было много, их почитали. По крайней мере раз в месяц охотники пытались обрести великую удачу, поймав тигра, и лишь немногие возвращались с целыми руками и ногами.

Эша огляделась в поисках пути для бегства и заметила нечто вроде расчищенной тропки, которая вела к прогалине с высокими тонкими деревьями.

Слишком хлипкие для тигров, что идеально для людей. Она едва заметно повернулась. Этого оказалось достаточно, чтобы тигр сосредоточился на Эше. Зверь испустил пронзительный вой – звук настолько сверхъестественный, что ужас пробрал ее до костей.

– Беги, – шепнула она в ухо Куналу.

Она не потрудилась оглянуться и проверить, следует ли он за ней, но спустя несколько мгновений уловила сзади его шаги и тяжелое дыхание. Тигр снова взревел, и Эша помчалась как на крыльях. Волоски на шее встали дыбом. На бегу она лихорадочно шарила взглядом по тропке, чувствуя, что тигр совсем рядом.

– Туда!

Схватив Кунала за руку, она потащила его вперед и отпустила только у подножия высокого баньяна.

Она начала взбираться вверх, не дожидаясь Кунала. Единственное, что Эша помнила о лесных тиграх, – совет вскарабкаться так высоко, как только можно. Тигр не ползет следом, его размеры и вес слишком велики даже для прочных ветвей баньяна.

Кунал вцепился в ветку рядом с ней. Внизу она слышала мягкое шарканье рыскавшего зверя. Пока что Эша находилась в безопасности.

Увидев тигра в полночь, отведи взгляд, ибо ты встретил воплощение прошлых грехов.

Эша с облегчением выдохнула и взглянула прямо на Кунала, в глаза мужчины, который, возможно, искал ее – искал Гадюку, – не зная об этом. Застрали на

дереве вместе на всю ночь, и ее единственная защита – притянутая за уши легенда о торговке маковыми семенами.

Похоже, ей придется расплачиваться за прошлые грехи.

* * *

Едва непосредственная опасность миновала и они наконец-то отдышались от ночной погони и успокоились, воцарилось неловкое молчание. Но Эша знала, что долго оно не продлится, и приготовилась к вопросам.

Кунал нарушил тишину первым.

– Лесной тигр? В полночь? Я-то думал, это лишь сказочка, чтобы детей пугать, – потирая бок, выдавил он.

Она подняла бровь, но промолчала. Незачем проявлять доброту к солдату, даже если он ранен. Ему наверняка и хуже приходилось во время кампаний в северных горах, где водятся снежные леопарды.

– Я тоже так думала, но разве ты не рад, что знаешь эту сказку? Торговец, который надувал покупателей, встретил в полночь тигра, как и его брат, добродетельный мудрец. Только одному удалось убежать. – Эша спохватилась, услышав свои интонации, выдохнула и заговорила мягче и непринужденнее: – Я рада, что не пришлось встречаться с ним в одиночку – и что мы оба выбрались.

Какое-то выражение промелькнуло на его лице, но Эша не поняла, что оно значило.

– В последнюю нашу встречу я оставил тебя на тропе, ведущей в гавань. Как, во имя Солнечной девы... – Он умолк и с восхитившей ее легкостью обрел невозмутимый вид. – Каким образом ты оказалась тут, в лесу?

Ложь легко соскользнула с ее языка.

– Опоздала. Когда добралась до гавани, корабль уже ушел – без меня. – Она нахмурилась, надеясь на то, что он не станет торопить с рассказом. – Начальник порта сказал, что я могу нагнать их в Малгахи. Лошадь, которую я одолжила, испугалась какого-то шума и сбросила меня на полпути через лес. Когда очнулась, ее уже не было, и я заблудилась. К счастью, при мне осталась сумка. Я пыталась выбраться назад, на дорогу... – Она вздрогнула, закусил губу и взглянула на него из-под ресниц. – Я думала, что умру в этом лесу, вдали от семьи.

К чести Кунала, его лицо смягчилось, и он не стал углубляться в ее историю. Она припрятала эту крупицу знаний о его характере: сентиментален. Возможно, наблюдение еще пригодится до конца ночи.

– Мы не умрем сегодня, – твердо пообещал он. И, поколебавшись, придвинулся к ней ближе. – Завтра – тоже. Ты ведь знаешь суть сказки – полночный тигр не обычный. Он исчезнет на заре, растворится в земле после того, как свершит правосудие. Будь он из другого мира или этого, но к утру потеряет интерес. – Он сосредоточился точно на ее переносице. – Как ты умудрилась не только потеряться в лесу, но еще и отыскать тигра? Твои «злодеяния» догнали? – Кунал произнес это с ухмылкой, но у Эши сдавило горло. Если бы он знал.

– Видно, мои маковые семена расстроили кому-то желудок, – прошептала она. Его лицо расслабилось, и он рассмеялся.

Тигр внизу снова взвыл, и Эша дернулась от страха.

Кунал побледнел и одними губами произнес «прости».

– Надо забраться повыше, – ответила она. – Верхние ветки безопасней, и мы сможем привязаться к стволу, чтобы не упасть во сне.

Эша быстро встала, желая покончить с разговором о мистических тиграх и правосудии. Она покачнулась, схватила ветку и, восстановив равновесие, предложила Куналу руку. По причине злодеяний или просто стечению обстоятельств, но она застряла с ним на всю ночь. Он кивнул и ловко вскочил на ноги, готовый к подъему.

Светящаяся кора оказалась на удивление хрупкой: когда Эша устроилась на выбранной ветке, ее руки, колени и сандалии мерцали бледной зеленью. Она осторожно провела рукой по запястью, поражаясь тому, как от ее касания сияющая кора разлеталась блестящей пылью.

Низкий рык напомнил, что они здесь не одни. Возбуждение медленно угасало в крови, взамен пришла ужасная слабость. Кунал подтянулся и устроился на широком изгибе ветки напротив.

– Откуда ты все это знаешь? – спросил он, пока Эша, достав из сумки веревку, сосредоточенно разрезала ее на две части. Он внимателен, а это опасно.

– Я выросла возле дождевого леса, – заявила она. Полуправда. Дом ее деда располагался в разросшихся джунглях вблизи подножия гор Гханта, в Дхарке, но джансанцы все равно не поймут разницы между двумя видами лесов. – Папа позаботился о том, чтобы мы научились основам выживания.

– Интересный подход к учебе... для семьи торговцев.

Эша насторожилась, пытаясь скрыть это за непринужденным видом.

– А ты никого не заметила на дороге? – спросил он.

Ловушка была очевидна. Скажи «да» – и он захочет, чтобы она завтра осталась с солдатами для опознания. Скажи «нет» – и сама попадешь под подозрение – тропа через лес оставалась единственной дорогой от Крепости без усиленных патрулей.

Однако перспектива вновь остаться одной была слишком соблазнительна.

Она сделала паузу, изобразив, будто старательно припоминает.

– До того как меня скинула лошадь, я никого не заметила. А ты кого-то ищешь? Я просто хотела ехать быстро и без постороннего вмешательства, – ответила Эша с оттенком сожаления.

Именно после этого Кунал словно впервые заметил ее сумку и одежду. Она вновь напряглась под его пристальным взглядом.

– Ты приехала во всеоружии, это точно. Так поэтому на тебе такой наряд?

Эша проглотила вздох облегчения и внимательно посмотрела на него, срывая с головы тюрбан и развязывая концы ткани.

– Маскировка так себе, – заметил он, усмехаясь уголком рта, в то время как она встряхнула волосами.

Эша, не в силах скрыть обиду, бросила на него резкий взгляд.

– Нет-нет, я не хотел тебя оскорбить, – торопливо сказал он. – То есть... я имел в виду, тебя сложно забыть, – словно против воли выдавил он.

Он считал ее хорошенькой. Понимание этого согрело Эшу больше, чем следовало, не говоря уже о стратегическом преимуществе. Его симпатию можно использовать.

Эша расслабилась в тесном убежище, которое они разделили, и не стала прятать улыбку.

– А ты дамский угодник.

Он весело фыркнул.

– А ты первая дама, которая мне это говорит, – невозмутимо парировал Кунал.

– Но как ты оказался здесь, в лесу? В последний раз мы встретились в Крепости, и я не ожидала увидеться снова, – игриво улыбнулась Эша.

Она обрадовалась, что тема сменилась на более легкую. Флирт, кокетство – это Гадюка умела.

– Я тут с небольшим отрядом, и мы охотимся на... охотимся на преступника.

Лицо Кунала мгновенно окаменело, и Эша поняла, что потеряла свое преимущество. Он чуть было не проговорился незнакомке – и теперь закрылся.

Нормальная девушка испугалась бы такой новости, и Эша старательно изобразила дрожь.

– Преступник? Какой преступник? Думаешь, это его я слышала на тропе? – Эша вцепилась в прядь волос, рассматривая лес расширенными от испуга глазами. А еще она прижалась к Куналу, и это решило дело.

– Убийца. – Он вновь наблюдал за ее реакцией, словно проверяя на нормальность. Она постаралась, чтобы он рассмотрел на ее лице неверие и страх.

– Надеюсь, вы его поймаете, – убежденно сказала Эша. Она и правда надеялась, что Кунал поймают «его», лишь бы не ее.

– С тигром и преступником на свободе тебе надо быть осторожней, – бросил он, будто приняв решение. – Утром я отведу тебя в наш лагерь. Проедешь с нами до следующего портового города, а там посажу на корабль.

Эша не могла поверить своим ушам.

Да смилуется Лунный бог. Хуже просто ничего придумать нельзя.

Оказаться в лесу вместе с солдатами, путешествовать с ними... ее замутило. Будь она лучше вооружена, то, возможно, даже почувствовала бы мрачную радость, что подвернулась возможность избавиться еще от нескольких врагов, – однако сейчас у Эши был один кинжал. Ее меч-плеть, ее гордость, лежал в сумке и должен был оставаться там, пока она носила маску девчонки-торговки. Другой меч? Очевидно, его нашли.

Там в лесу еще трое солдат, и, если они хоть немного похожи на Кунала, быть беде. Он оказался умнее, чем она думала, и следил за ней глазами хищной птицы.

Ей казалось, он подозревает в ней Гадюку. Выбора нет, ей придется остаться с ним до рассвета, а затем придумать, как сбежать. Быстро кивнув, она придвинулась к Куналу, принимая его предложение.

– Спасибо. Я так переволновалась. С тобой буду чувствовать себя в куда большей безопасности. – Эша ухитрилась не поперхнуться этими словами и на секунду возгордилась собой.

Он вежливо, кратко кивнул в ответ.

– Это меньшее, что я могу сделать.

Она ощутила, как напряжение между ними рассеивается, и ей стало интересно, сколько в его предложении было чувства долга, а сколько – симпатии к ней, девчонке-торговке.

Если бы она могла ему доверять хоть немного. Ненавидя солдат в целом, она не могла не признать, что у этого были зачатки чести.

Отвернувшись от нее, Кунал стащил доспехи. Он развернул свою часть веревки и принялся крепить доспехи к дереву. Эшу заворожили ловкие движения рук, танец мускулов на его теле. У него была отличная фигура, стройная и мощная одновременно.

Первая ветвь оказалась чересчур слабой, чтобы удержать его доспехи, и, когда солдат начал собирать висячие корни, дергая их к себе, Эша вдруг заметила серебристый блеск металла.

Эша рванулась вперед, оттаскивая Кунала так, что он выронил доспехи. Задев ветки, они прогрохотали вниз и мягко упали на покрытую листьями почву.

– Что? – вскрикнул Кунал, когда она убрала руку.

В его глазах вспыхнуло недоверие. Эша молча подняла клинок над его головой.

Одним быстрым движением она перерезала две металлические ловушки на ветвях, к которым тянулся Кунал. В падении они срезали ветки, оставляя за

собой чистые пеньки. Кунал переводил взгляд с них на нее с открытым ртом.

– Ловушки для обезьян. Я спасла тебе руки, может, и жизнь, – пояснила Эша. Он потряс головой.

– Я торговка. Могу заметить ловушки браконьеров. Обезьяньи шкуры ценятся на севере, за них дают хорошую плату. Сейчас их ставят повсюду, рынок есть рынок.

Она не собиралась спасти его жизнь, сработал инстинкт – во время одной из миссий Эша потеряла в такой ловушке товарища.

С трупом солдата было бы легче управиться, чем с живым, глядящим на нее сейчас пронзительными янтарными глазами. Но в них светилась благодарность, и, возможно, это позволит ей выиграть время.

– Удивлена, что вы, воины, о них не знаете, – закончила она.

Эша начала отодвигаться от Кунала и покраснела, осознав, насколько тесно прижалась к нему, когда оттаскивала. Он перехватил ее руку – пальцы на ее холодной коже казались угольками – и помог обоим сесть поудобнее. Там, где он ее держал, остались пятнышки зеленой пыли.

– Ненавижу это признавать, но нас никогда не обучали замечать такие вещи. Мы не задерживаемся в Тее или другом лесу, особенно когда король ведет кампанию. Другие говорят, это оттого, что Тей пугает короля.

Шок из-за ловушек, видимо, развязал Куналу язык.

Эша не возражала. Благодаря этому ей перепали сведения, которые могут пригодиться в подготовке будущих заданий.

– В общем, спасибо. Ты спасла мне жизнь, – добавил он.

Эша кивнула, ей ничего не оставалось, как принять благодарность. Недоверие исчезло с его лица, а Эше почему-то не хотелось торжествовать, напротив, горло перехватило от смущения.

Не за что ее благодарить. Она просто следовала рефлексу. Трюки и ложь – вся ее жизнь. Какой Гадюкой она бы стала без них? Правильно, мертвой.

Она поглубже вдохнула и немного выпрямилась.

– На здоровье. Ты ведь меня уже два раза спас, так что мы даже не квиты, – заметила она, добавив в голос деланой легкости. Эша про себя порадовалась, что у нее до сих пор получается притворяться беспечной девушкой-торговкой.

Изображать ее было на удивление приятно.

Несмотря на мягкую подсветку дождевого леса, жужжание цикад и плесневый аромат почвы, ночь вступила в свои права, и Эшу ужасно клонило ко сну. С легкой досадой она поняла, что рада непрошеному напарнику, который может прикрыть ей спину.

Она наблюдала, как он крайне осторожно снимал оставшиеся доспехи. Полоски зеленой пыли и мха расчертили тело причудливым узором. Осознав, что пялится, Эша резко отвернулась.

– Здесь нельзя зажигать огонь.

Само собой. Но Эша послушно кивнула, потирая ладони.

– Прости, – мягко сказал Кунал.

Услышав это, Эша всмотрелась в его лицо. Она напряглась, когда тигр вновь зарычал, хотя на этот раз чуть тише. Кунал тоже дернулся, замаскировав это кашлем.

– За что? – Она действительно не понимала.

– Заблудилась, убежала от тигра, застряла со мной на дереве. Даже костер нельзя развести. Плохой день для дамы.

Эша расхохоталась.

– Я не дама, и мне доставалось и посильнее.

Если бы он знал!.. Она поняла, что позволила маске соскользнуть, и решила оставить все как есть. Уж кому и знать о трудностях путешествий, как не торговке. – Ну, даже будь я одна, я бы все равно не спала сейчас под одеялом. Точно так же сидела бы на дереве с тигром внизу, только поговорить было бы не с кем.

– Тебе и сильнее доставалось? Хотел бы я услышать эту историю, – улыбнулся он. Она подарила ему взгляд «мы не настолько близко знакомы».

Слишком много историй из жизни Гадюки накопилось за последние пять лет – не сосчитать.

Слава, власть, слухи и рассказы. Порой, когда она чувствовала, что ее сердце слишком давно и долго хранит множество тайн, она готова была отдать многое за возможность поговорить с кем-то, кому можно верить. Немного тепла от того, кто видел бы в ней просто девушку семнадцати-восемнадцати лет от роду, которую уже посватали или отдали в ученицы к мастеру. Девушку, у которой есть родители, которая мечтает о золотой вышивке на свадебном сари и хочет добраться до запрещенных книг в библиотеке. Чьи ладони покрывал бы сахар с молочных конфет, а не кровь взрослых мужчин.

Для Гадюки мир постоянно таил в себе опасность, и потому Гадюка держала мир на расстоянии вытянутой руки. Она уже поняла, что придется отстраниться от Харуна и товарищей, пока не отыщется след убийцы генерала, и почти смирилась с пустотой в душе, которую оставило это решение.

Эша хотела верить в их преданность, но...

– Устала? – нарушил тишину Кунал, неверно истолковав ее молчание.

– Нет, не совсем. От всего, что случилось за день, я должна бы уснуть, как младенец, а вместо этого голова гудит от мыслей, – ответила она, пытаясь поудобнее устроиться на изгибе широкой ветки.

– Это нормально.

Кунал неуклюже улегся на противоположной ветке, и зеленое сияние окружило его мерцающим ореолом.

– Я никогда не могу заснуть перед боем или даже обычной разведкой. – Он бросил на нее взгляд, словно решая, открыть ли немножко больше.

– Я родился возле чайных плантаций в западных холмах, где все, что видит глаз, сплошь зеленое. И, как только смог, начал карабкаться наверх, чтобы увидеть больше. Перед каждым походом я обычно поднимаюсь на самую вершину Крепости и вижу, как сгущается темнота и в ней проступают звезды.

– И я, – мягко сказала она. – Я считаю звезды, когда вдали от дома, чтобы напомнить себе, как далеко я забралась. – Она откашлялась. – А зачем ты поднимаешься на вершину Крепости?

Он улыбнулся, словно кое-что вспомнил.

– С самой высокой точки можно увидеть силуэт Дхарки над горами.

– Да?

Упоминание Дхарки заставило Эшу вспомнить теплое солнце и влажный густой воздух лета.

Дхарка полого простерлась вдоль побережья на полуострове меньшем, чем Джанса, устремляясь к низким холмам и плантациям, к глинистым почвам притоков реки Бхагья. Земля там все еще была цела, узы «джанма» – в безопасности, и она собиралась все это сберечь.

Ее внимание привлекла интонация: солдат упомянул Дхарку без тени презрения, которое она всегда различала в голосах его товарищей. В ней взыграло любопытство.

– Ты там был?

– Да. Кажется. Ребенком. Помню добрых людей и великолепную еду, – сказал он.

– Может, однажды у тебя еще будет шанс вернуться туда, – медленно произнесла она, произнося слова по отдельности.

– Хотелось бы. Я слышал сказки о тамошних роскошных плато и удивительных горах. О густых джунглях. – Он говорил в чарующей манере, внимательно и ритмично, словно взвешивал и оценивал каждое слово.

– Сказки о животных джунглей тебя не пугают?

Он улыбнулся.

– Всегда любил соседство животных. Ну, за исключением этого тигра.

Тут Эша не могла разделить его чувство. Звери почти что ненавидели ее – с учетом прозвища, настоящая ирония судьбы.

Она колебалась, не зная, насколько откровенной можно быть в ответ на его беспечные признания. Осторожность победила, и она поглядела сквозь деревья.

– Никогда не была в Дхарке, но проплывала мимо. Выглядит прекрасно, – солгала Эша. – Неважно, что люди болтают – не так уж она отличается от Джансы.

Это была проверка. Пройдет ли он? Окажется ли непохожим на закованных в бронзу сослуживцев?

– Нет. Не отличается.

Мягкие слова Кунала растаяли в душном ночном воздухе.

Он с легкостью прошел проверку.

Эша смотрела вполглаза, как Кунал засыпает во время разговора, а потом сама провалилась в сон. Они заговорились и легли позже намеченного ею часа, но Эша проснулась вовремя, и ей удалось поймать момент, когда в лучах рассвета погасло лесное сияние.

Что-то в их беседе наполнило Эшу новой силой. Она, словно бальзам, смягчила ее одиночество.

Эша отбросила неуместные мысли о нежности, с которой Кунал вспоминал города побережья и заведений, где готовили джалеби. Сейчас она была полна жажды действовать, и у нее уже сложился план.

Убедившись, что тигра нигде не видно, Эша осторожно слезла вниз и мягко спрыгнула на землю. Было приятно снова твердо встать на ноги. Поставив сумку на землю, она вытащила оттуда маленькую металлическую флягу.

В первую очередь нужно найти воду. Она припомнила небольшой ручей к востоку от деревьев, достаточно близко, чтобы успеть наполнить фляги до пробуждения солдата. Безобидный повод уйти на тот случай, если он ее найдет, и у нее будет возможность разведать свободную тропку для бегства.

Она также могла вывести, ушли ли другие солдаты глубже в дождевой лес.

Впервые с момента побега из Крепости Эша чувствовала, что контролирует ситуацию, и улыбнулась своим замыслам. Эша вытянула руки к небу, потянулась с легким хрустом, разгоняя по телу кровь.

Она оставила его спящего, ладонь под щекой, юное лицо открыто и беззащитно. Эша быстро отвела глаза от мягкой податливости его рта, в которой не было ничего от солдата.

Она отмахнулась от воспоминания и ушла к ручью.

Кунал проснулся от пронзительного крика птицы-носорога и застонал, не понимая, отчего кровать такая неудобная. Затем увидел густой полог леса наверху – и память о последних днях мгновенно вернулась вместе с зудом от комариных укусов.

Вслушиваясь в крики обезьян, он огляделся и сразу заметил, что Эши на дереве больше нет. В одну секунду Кунал перегнулся вниз, сквозь ветки рассматривая землю. У корней в нескольких футах от покореженной кирасы лежала сумка Эши, и Кунал немного расслабился. Она все еще здесь. Ни одна девушка не оставила бы сумку в таких обстоятельствах добровольно, и вокруг не было следов, свидетельствующих, что ее похитили.

Кунал понял, что тревожится за Эшу, и хотел бы видеть, что она в безопасности. И это невзирая на то, что по-прежнему сомневался в искренности девушки!

Он почти верил, что Эша была той, за кого себя выдавала, но все-таки лучше держать ее при себе и присматривать. Он покрутил головой, размял руки, затем развязал веревку и спустился вниз по узловатым ветвям дерева.

Ему стало любопытно, как бы поступил в этом случае дядя. Наверное, привязал бы ее к дереву в кандалах.

Сначала действуй, потом спрашивай. Неофициальный девиз Крепости.

Вся проблема в том, что он никогда Куналу не нравился. Кунал гордился тем, что ведет себя спокойно и хладнокровно, изучает все стороны проблемы перед тем, как принять решение. Что, если он ошибся и приведет невинную девушку в кандалах обратно в Крепость? Он никогда не простит себе такой ошибки!

И вот тут-то скрывалась дилемма. У Кунала не было ничего, кроме слов пьяного солдата, утверждавшего, что видел девушку, а этого было достаточно для подозрения, но не для обвинения.

Перед тем как действовать, нужно найти доказательства вины – или невинности. А до тех пор – наблюдать и докладывать.

Кунал схватил свою кирасу и скривился при виде вмятины прямо под нагрудником. Будь у него ветка или камень, можно было бы выпрямить доспехи так, чтобы те не врезались в кожу. В поисках подходящего булыжника Кунал обдумывал следующие шаги.

Можно оставить Эшу за границами лагеря, взять кобылу до того, как остальные что-либо заподозрят, и устремиться к ближайшему портовому городу. А там – или она сядет на корабль, или поедет, закованная, с ним в Крепость.

Следующие дни станут решающими: придется выбрать, какой дорогой ему идти.

Отличный камень – остроконечный, но достаточно изогнутый, чтобы нанести точный удар, – валялся на мягкой лесной земле возле холщового свертка Эши. Он нагнулся за ним, чтобы привести кирасу в порядок, и тут взгляд зацепился за что-то серебряное.

В подлеске запуталась маленькая серебряная булавка, покрытая грязью. Очищая булавку, Кунал открыл сумку Эши, и оттуда, как змея, высунулась рукоять меча-плети. Куналу хватило мгновения, чтобы понять увиденное. Камень чуть не выпал у него из руки.

Он стоял там, пялясь на сверток и не в силах пошевелиться. Сердце билось где-то в горле, пальцы сжались на острие булавки.

Теперь уже нет смысла отрицать. Вот оно – доказательство, которое он искал. Парный меч, точно такой же, как тот, что оставили в комнате дяди.

Его разум застыл в ледяном спокойствии, как всегда перед началом битвы. Проанализируй ситуацию. Составь план атаки.

Теперь следовало продумать способ, с помощью которого он приведет ее в лагерь, не вызывая подозрений. Она пока не ушла, поэтому есть вероятность, что он сможет продолжать разыгрывать фарс. Кунал скорчил гримасу от этой мысли. Ему никогда не давалось лицедейство.

Тем не менее решение придало ему сил. Он быстро надел так и не починенную кирасу и сунул серебряную булавку в кушак, чтобы изучить позднее. Носком

сандалии затолкал меч обратно в сумку и придал ей правильное положение. Мысль о том, чтобы прикоснуться к нему, вызывала тошноту.

Кунал игнорировал надежду, которая тихо нашептывала, что Эша не может быть Гадюкой – что она неспособна ею быть. Дурак бы он был, если бы прислушался. Он и так выставил себя болваном.

И тут раздался резкий треск. Кунал стремительно развернулся: инстинкты толкали проверить, в чем опасность. Он ринулся к источнику шума.

Неужели вернулся тигр? Или что-то случилось с Эшей?

Ему нужно вернуть ее в Крепость живой.

Кунал бежал на звук, но быстро понял, что все в порядке, за исключением большой ветки, упавшей на утоптанную тропку. Он уставился на нее. Ветку аккуратно срезали при помощи обезьяньей ловушки.

Священное копье Солнечной девы!

Он помчался к их лагерю у баньяна, обгоняя ветер. Он сделал именно то, чего не должен был, – позволил себя отвлечь. Пусть даже на минуту.

Минута – все, что понадобилось Гадюке. Оказавшись на пустой поляне и увидев то, чего и ждал, он проклял себя. Все пропало – и сверток, и девушка.

Он уловил в нескольких шагах впереди взмах ее уттарыи цвета слоновой кости и свернул туда, прыгая через листья и ветки и преследуя струящийся в воздухе хлопок. Она убыстрила бег.

Кунал напряг все силы, используя каждую каплю скорости, и ухватил конец уттарыи. Полоса ткани соскользнула, но запуталась вокруг ее плеч и туловища, отшвырнув Эшу назад.

Она остановилась. Рот открылся идеальным «О», вторя распахнутым в неверии глазам. Она не ожидала, что Кунал ее схватит.

Уттарья свалилась с ее головы, и буйная грива кудрей разметалась по ветру, закрыв изумленное лицо.

Но в следующий миг удивление угасло, и она обернулась к Куналу с угрожающей ухмылкой, которая расплывалась все шире. Ни следа не осталось от кроткой, милой, послушной девушки-торговки.

Скрестив с ней взгляды, Кунал понял: фарс окончен и началась игра. Они не обменялись ни словом, но Кунал спинным мозгом почувствовал, что они поняли друг друга: Эша будет убегать, а он – преследовать ее.

Не сводя с него глаз, в которых полыхала угроза, она сняла уттарью и отбросила прочь. Может, у Кунала разыгралось воображение, но ему почудилась тень сожаления на ее лице. Кунал подался вперед, чтобы схватить, сразиться, не дать ей уйти!..

Ноги ожгло болью, и он рухнул, распластавшись среди узловатых корней, которые опутали весь лес. Когда он, невольно морщась, поднялся на ноги, Эши уже и след простыл. Блеснула натянутая над тропой металлическая проволока – так вот почему он упал!..

Она подготовилась. Она спланировала каждый миг.

Кунал замер, комкая уттарью, которая хлопала и рвалась у него из руки на ветру.

Глава 15

Поздним утром, идя по древесным зарубкам с тугим комком уттарьи в руке, он таки добрался до лагеря. Солдаты, сидевшие у очага, наградили его изумленными взглядами.

Когда Кунал увидел, что его дождались, камень на душе стал чуть легче. Конечно, они договорились держаться вместе, пока не пройдут лес, но Кунал не был уверен, что Ракеш станет соблюдать договор.

– На тебя что, Гадюка с дерева свалилась? У тебя поэтому вся ночь ушла на то, чтобы облегчиться? – поддразнил Лакш.

Кунал вперился в него взглядом, чувствуя, как ярость вскипает внутри так, что дышать трудно. Лакш мгновенно подался назад и вскинул руку, останавливая Ракеша.

– У него тот самый взгляд, парни, – констатировал Лакш.

– Я не боюсь взглядов Дхагана. Будто он может меня напугать этими своими... – Ракеш помахал рукой, – ...глазками.

Но Ракеш отступил, теребя кудрявую прядь.

Кунал уже достиг точки невозврата, о которой предупреждал дядя, и ему понравилось.

Контроль.

Кунал попытался подавить гнев, но он вспыхнул еще жарче. Молча протопав по углям гаснущего костра, он расчистил прямую дорожку для своей маленькой скатки, впихнул уттарью в свой сверток и сел, мрачно глядя в никуда.

Кунал так не злился много лун – точнее, лет.

Каким же тупоголовым идиотом он был, думая, что может одержать верх над Гадюкой.

– А теперь он выглядит так, словно кто-то украл его конфетку, – усмехнулся Лакш.

Ракеш глумливо ухмыльнулся и открыл рот, но теперь Амир предупреждающе покачал головой.

– Рот закрой. Вы-то чем занимались? Дрожали себе в палатках, слушая лес, и шевельнуться боялись? – поинтересовался Кунал.

Ракеш с головы до ног стал дивного багрового цвета, а Лакш присвистнул и заорал, что пора сворачивать лагерь. Кунал сидел на месте, ощущая, как его ярость идет на убыль и трансформируется. Она балансировала на грани чувства, которое он не пускал в душу годами, – грусти.

Он знал, кто такая Гадюка, – явное преимущество в этой игре. И должен был ощущать решимость, определенность.

Как солдат, на первое место он обязан был ставить долг перед генералом, армией и только потом – перед собой. Таков порядок вещей. Но Кунал сохранил свои идеалы, и сейчас он боролся с собой, не в силах совместить вбитые годами службы принципы Крепости и личный кодекс чести.

Дело было не только в том, что Кунал упустил ее, но и в том, что он наконец-то узнал, без тени сомнения: Эша – Гадюка и его заклятый враг.

Если он хочет стать командующим, то должен схватить Гадюку и притащить в Крепость, даже несмотря на то что она спасла его жизнь.

Он бы не страдал сейчас муками выбора, если бы не ее поступок.

Или она и это спланировала?

Он свирепо наступил на ветку, валяющуюся на пути, испугав остальных.

Кунал поднял сломанную ветку и повертел, чувствуя тяжесть древесины, а потом с силой опустил вниз, ломая о колено. В руках осталась острая зазубренная палка. Он вытащил мачете и начал остругивать кончик, щепка за щепкой, заостряя его до предела.

Она – ключ к его будущему повышению до командующего. И все.

Кунал осмотрел заточенный конец палки и, пробуя остроту, провел им по предплечью. На коже набухли капли крови.

Контроль.

Глава 16

Эша мчалась, пробиваясь сквозь паутину ветвей и листьев, словно хотела обогнать ветер. Сердце гулко бухало в груди и от усталости, и от мыслей о том, что она едва-едва спаслась.

Она замедлила бег, и от смены темпа тело заныло, готовясь развалиться на части. Зацепившись сандалиями о корень, Эша споткнулась и неловко упала, ударившись голенью. Здесь, у опушки Тея, почва стала не такой мягкой – вдали уже виднелись низкие плавные холмы и долины центральной Джансы.

Никогда прежде она так не напрягала силы, не покрывала двухдневное расстояние меньше чем за день, но ее гнало вперед осознание, как близко к ней подобрался Кунал. Узнавание и страх в его глазах в миг, когда поймал ее уттарыю... Частице Эши это понравилось, более того – она упивалась ролью Гадюки после недель путешествия инкогнито.

Эша счистила впившиеся в ладони камушки, отерла руки о грязные порванные штаны. Вода из фляги на вкус была нектаром – хоть эту часть плана Эше удалось выполнить без проблем. И ей повезло вернуться вовремя и увидеть спуск солдата. Вот только свою сумку она бросила на виду.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Уттарья (англ. *uttariya*) – древний широкий шарф индийских мужчин и женщин. Обычно спускался с шеи и драпировал руки, но иногда им окутывали верхнюю часть тела и голову. Современный аналог уттарьи – дупатта.

2

Камфорная лампа (англ. *camphorlamp*) – как правило, бронзовый сосуд с фитилем, пропитанным камфорным маслом; в индуизме камфора является одним из сакральных благовоний, используется в различных религиозных ритуалах и в быту как средство от злых духов и негативной энергии.

3

Валайя (санскр. «кольцо, круг») – сплошной браслет, носится и мужчинами, и женщинами на руке – на запястье, предплечье или плече. Может быть украшен различными узорами и указывать на благородное или божественное происхождение своего хозяина или хозяйки.

4

«Джанма» (санскр. *Janma*) – в индуизме означает «жизнь, рождение, существование».

5

Дхоти (хинди dhoti) – мужская индийская одежда, прямоугольная полоса ткани длиной 2–5 м, обертываемая вокруг ног и бедер с пропуском одного конца между ног.

6

Меч-плеть, уруми (малаял. Urumi, букв. «скрученное лезвие») – древнеиндийский гибкий меч, состоящий из одной либо нескольких обоюдоострых стальных лент, прикрепленных к деревянной рукояти. На конце клинка обычно имеется отверстие, а головка эфеса оснащена кнопкой, что наряду с гибкостью стали позволяет носить уруми скрытно под одеждой, обматывая его вокруг тела, как ремень. Владение уруми входит в комплекс традиционного южноиндийского боевого искусства каларипаятту.

7

Масло гхи – очищенное топленое масло, как правило, из молока буйволицы, широко используется в Индии для приготовления пищи, лечения и проведения религиозных ритуалов. Хранится в герметичном контейнере без холодильника, соответственно, может быть использовано в качестве «дорожного рациона». Хорошо сочетается с чечевичными лепешками папад (пападам) и специями.

Купить: https://tellnovel.com/tirdhala_svati/polnochnyy-tigr

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)